

0-781022

ГОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Диссертационный совет Д 212.051.03

На правах рукописи

Акавов Рашид Забитович

ИСТОРИЯ КУМЫКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ В ИСТОРИОСОФСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

10.01.02 — Литература народов РФ
(сеveroкавказские литературы)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Махачкала - 2009

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук профессор

Вагидов Абдулла Магомедович

доктор филологических наук профессор

Казиева Альмира Магомедовна

доктор филологических наук ведущий научный сотрудник

Гусейнов Малик Алиевич

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет» им. Х.М. Бербекова

Защита диссертации состоится «2» сентября 2009 г., в 14 часов, на заседании диссертационного совета Д 212.051.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций в Дагестанском государственном педагогическом университете по адресу: 367003, Махачкала, ул. Ярагского, 57, ауд. №78 (филологический факультет).

Диссертация принята к защите 03.07.2009 г. Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на официальном сайте www.referat-vak@ministry.ru 02 октября 2009 г.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке университета.

Автореферат разослан «2» ноября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Вага

Э.Н.Гаджиев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. История изучения, научного осмысления истоков и эволюции национальных литератур богата примерами самых неожиданных, порой диаметрально противоположных концепций. Если за хронологическое исходное в понимании научного подхода к объяснению исторических, философских и культурных (в т.ч. и литературных) учений взять девятнадцатый век, то и этот отрезок времени в 150-200 лет, можно сказать, поражает воображение наличием в науке отмеченной выше различности. В частности, международные интеграционные процессы, сопровождавшие развитие литературы за этот исторический промежуток, вызвали к жизни множество объясняющих теорий. Назовем две из них – учение К.Маркса о формациях, легшее в основание господствовавшей в пространстве бывшего СССР ленинской концепции истории, философии и культуры человечества, и возрождающийся в настоящее время цивилизационный подход, ориентированный на поиски новых методов изучения истории литературы с привлечением данных культурологии, философии, литературоведения и искусствоведения. При этом следует отметить существенное сходство историко-культурных ситуаций: рубежи веков (XIX-XX и XX-XXI) характеризуются повышением интеграционных (с разницей в целях и формах проявлений) процессов, которые получили своеобразные наименования.

В этом плане представляется важным акцентировать внимание на выдвинутом В.И.Лениным в его программном для культурного строительства молодой советской республики положении о том, что «русский капитализм втягивавл ... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности -- остаток патриархальной замкнутости ...», которое представляло собой, по его мнению, «всемирноисторическую тенденцию капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к ассимилированию наций, которая ... составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм». И далее: «Кто не погряз в националистических предрассудках, тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса, разрушения национальной заскорузлости различных медвежьих углов – особенно в отсталых странах вроде России»¹.

Мы понимаем, что означало ленинское понятие или положение об «ассимиляции наций капитализмом»: оно «работало» на то, чтобы осуществить «мировое интернациональное единство рабочего класса» и таким образом утвердить диктатуру мирового пролетариата, конечно, во главе с

¹ Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. – Политиздат. М.: 1970. – С. 12.

советским социалистическим и коммунистическим режимами. По своему содержанию эта структура очень напоминает вождения современного американизма. Разумеется, что проведение при этом прямой аналогии будет концептуально неверно, поскольку сами формации в принципе противоположны, взаимоисключающи: на одном полюсе – коммунизм, обещающий или во всяком случае декларирующий предоставление гражданам обеспеченную жизнь по принципу «от каждого – по возможностям, каждому – по потребностям», а на другом – капитализм, предполагающий как непереносимое условие жизнеобеспечения тех же граждан свободную конкуренцию на рынке не только материального, но и интеллектуального труда, в частности в сфере образования, науки, культуры и т.д. И в то же время они представляются теоретически сопоставимыми, поскольку в обоих случаях – при всемирном советском коммунизме и при таком же вселенском американском глобализме – грозит тотальная нивелировка, ассимиляция этнокультурного облика народов, кровно, «функционально» привязанных к таким понятиям, как язык, традиции, обычаи, нравы, верования, мораль, этика и т.д. Возможно, немало и иных причин, но нам представляется, что в последние годы (в самом начале нашего столетия) на сайтах Интернета и в других СМИ не случайно развернулась ожесточенная научная и идейно-политическая дискуссия и по отмеченным духовно-нравственным обстоятельствам, выявляющая разные прогнозы по судьбам этносов, их культур, языков и т.п., объединенных в большую научно-практическую проблему «Глобализация и этнокультура».

Таким образом, наше культурное (в том числе и литературное) наследие сегодня оказывается остро востребованным, а его изучение и научное осмысление в указанном выше культурно-историческом контексте приобретают **особенную актуальность**.

Степень изученности темы исследования. Рассматриваемый нами историософский аспект истории кумыкской национальной литературы Нового времени требует соответствующего историографического экскурса, который позволил бы ясно и конкретно определить цель и задачи исследования. Предложенная постановка проблемы предполагает и некоторые терминологические уточнения, а именно: что подразумевается под «Новым временем» для кумыкской национальной литературы, как это понятие осмыслялось в критике, в каком значении рассматриваем его и что нового, по сравнению с уже накопленным опытом, можно сказать по существу поднимаемых нами вопросов? Во-первых, нужно отметить, что изучение литератур народов России, в том числе и кумыкской литературы Нового времени, имеет давнюю исследовательскую традицию. В этом плане следует подчеркнуть научную ценность трудов исследователей-первопроходцев Д.М.Шихалиева, М.-Э.Османова, А.Акаева, Б.Чобанзаде, А.-П.Салаватова, К.Султанова, Э.Капиева, И.А.Керимова,

Г.Мусахановой, С.Алиева и многих других ученых. Особого внимания заслуживают Г.Г.Гамзатов и Р.Ф.Юсуфов, благодаря научной деятельности которых художественно-литературное наследие народов Дагестана (в том числе и кумыков) достойно представлено в российском литературоведении в контексте с мировым литературным процессом.

Однако, во-вторых, при всей значимости достижений необходимо, очевидно, признать и конкретно-исторические периоды самого научного осмысления, наложившие свою печать на исследовательский поиск, вследствие чего теоретический уровень трудов часто оказывался в прямой зависимости от различных идеологических и политических обстоятельств в стране. Не секрет, что еще в недавнем прошлом в науке часто не вдавались в анализ, характеристику всех – исторических, философских, социальных, экономических, культурных и т.п. – составляющих самого феномена Нового времени: под этим термином обычно подразумевали эпоху разложения феодализма, зарождения капитализма и связанных с ним буржуазных общественных отношений, якобы враждебных интересам и чаяниям индивида. То есть преобладала идеологическая и политическая доминанта. Специфичный и во многом новый в литературоведении – **евразийский** – угол зрения настоящего исследования обуславливает соответствующее ему предварительное теоретическое обоснование проблемы. В этой перспективе следует помнить об эволюции научного осмысления опыта русской литературы в освещении кавказской, в частности дагестанской тематики, которая происходила, как известно, в два этапа – от фактографической описательности к анализу и обобщению. Правда, такая «классификация» весьма условна, не в полной мере отражает многообразные формы отбора и осмысления литературного материала. В то же время, учитывая особенности становления научного «освоения» русско-кавказской темы, думается, что не будет излишним подчеркнуть наличие внутренней связи подобной периодизации. Как показывает даже беглый обзор доступной на сегодня критической литературы, историко-литературное освоение кавказской (северокавказской, дагестанской) тематики развивалось по двум направлениям в оценке интеллектуальных творческих возможностей народов России, в том числе Дагестана и Северного Кавказа: а) высокомерно-уничижительное в лице официальной филологической науки, представленной именами В.Зотова (четырехтомная «История всемирной литературы». СПб, 1877-1882), А.И.Ипполитова («Этнографический очерк Аргунского округа»./Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.1. Тифлис, 1868), Н.Семенова («Туземцы северо-восточного Кавказа». – СПб, 1895), П.К.Услара («Кое-что о словесных произведениях горцев»./Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып.1. Тифлис, 1868) и б) неизменно высокие оценки передовых русских писателей –

А.С.Пушкина, А.А.Бестужева(Марлинского), В.Г.Белинского, М.Ю. Лермонтова, Л.Н.Толстого и др.

Общезвестно, что подлинно научное изучение русско-национальных литературных связей было развернуто лишь в XX веке, когда эта область истории народов многонациональной советской (русской) страны стала одной из составных частей культурной политики государства. Именно в этот период отечественное литературоведение совершило подлинный прорыв в научном изучении культурного наследия народов России, в том числе Дагестана и Северного Кавказа. Литературоведы Дагестана и Северного Кавказа, в частности Э.Капиев, К.Султанов, Н.Капиева, Г.Гамзатов, Р.Юсуфов, А.Агаев, Н.Джусойты, З.Толгуров, К.Абуков, Каз.Султанов, Э.Кассиев, Г.Мусаханова, С.Хайбуллаев, Г.Ханмурзаев, Х.Туркаев, А.Теппеев, К.Цаззо, С.Алиев, А.Вагидов, З.Акавов, Г.Гашаров, С.Ахмедов, Ш.Мазанаев, А.Абдуллатипов, Л.Бекизова и многие другие, создали фундаментальные труды, в которых представлены новые разыскания и широкие научные обобщения о взаимосвязях братских литератур. Работы названных и других авторов объединяет одна тенденция – интерес к закономерностям исторического развития литературных взаимодействий. Для научных, теоретических разработок начала XXI века характерным становится осмысление культуры, литературы народов России в отмеченном полицивилизационном пространстве, что позволяет рассматривать историю национальных составляющих (в том числе и русской) литературы в паритетных отношениях. Среди работ, изданных за последние годы (с 2000г.) и имеющих связь с интересующей нас проблемой, наиболее примечательными представляются две монографии. Одна из них принадлежит академику Г.Г.Гамзатову и называется «Феномен дагестанского Возрождения» (М,2000), в которой автор на основе обобщения, достигнутого в дагестанской науке о культурной истории народов Страны гор, в частности охватывающей интересующий нас хронологический период восемнадцатого-девятнадцатого столетий, выдвинул оригинальную концепцию дагестанского Ренессанса. В этом контексте следует указать и монографию известного теоретика литературы Р.Ф.Юсуфова «История литературы в культурфилософском освещении» (М., 2005), в которой эпоха Просвещения рассматривается как продолжение и завершение эпохи Возрождения. Для нас важным методологическим принципом является общее и для Г.Г.Гамзатова, и для Р.Ф.Юсуфова осмысление указанных гуманитарных направлений в истории человечества, как содержание и смысл общемирового понятия «Новое время». Особенно близкой к нашей теме является труд Р.Ф.Юсуфова, в котором история литературы народов России рассматривается в полиэтническом «синкретическом» контексте в художественном пространстве Российского Просвещения, представляющего собой наиболее наглядную иллюстрацию поли-

цивилизационной ментальности многонациональной России, литературную мозаику которой составляло сообщество культур, развивавшихся на принципах благотворного диалога и толерантности. **Указанное новое осмысление содержания литературы эпохи Просвещения, как нам представляется, требует адекватной постановки исследовательских задач на современном уровне, в частности, интересующей нас проблемы историософского культурно-исторического освещения кумыкской литературы Нового времени. Отмеченный основной тезис составляет главную цель исследования.**

Объект исследования диссертации составляет кумыкская литература Нового времени, представленная творчеством Абдурахмана из Какашуры, Юсуф-эфенди Аксаевского(Клычева), Йырчи Казака, Магомед-эфенди Османова, Манная Алибекова, Нухая Батырмурзаева, Абусуфьяна Акаева, публицистическим эпистолярным наследием Хасая Уцмиева, «Рассказ кумыка о кумыках» Девлетмурзы Шихалиева, а также средневековыми художественно-литературными памятниками «Слово о полку Игореве» и «Сказание о дочери Шана» Михаила Башгу.

Предметом исследования является выявление идейно-художественных особенностей кумыкской литературы Нового времени в достаточно новом для дагестанского литературоведения культурно-историческом историософском освещении.

Реализация поставленной цели предполагает постановку и решение ряда первоочередных задач, связанных с целым комплексом входящих в последнее время в коммуникативно-культурный, литературный обиход культурологических понятий и терминов, как историософия, толерантность, полиэтническое, многонациональное и многоконфессиональное пространство, диалог культур и цивилизаций, менталитет и ментальность, этническая идентичность и принципы самоидентификации. Апелляции к этим терминам отнюдь не случайны, потому что они в комплексе достаточно внятно отражают происходящий в настоящее время в науке процесс нового деидеологизированного прочтения и освещения истории литературы, органично сочетающего и совмещающего в себе достижения многих научных дисциплин, их тесный стык и взаимопроницаемость – этнологии, этнопсихологии, онтологии и метакод, метасистемы и метапоэтики, мифопоэтики и т.д. Востребованность названных понятий, как нам представляется, обусловлена совершающимися в науке поисками новых критериев исследования и оценки культурной истории народов полицивилизационной России в ее просторных евразийских границах. Наряду с отмеченным **работа предполагает решение и более конкретных исследовательских задач:**

- изучение и лингвокультурологический анализ архитектоники средневековых памятников кумыкской письменности в контексте традиций

письмоводства как системообразующего принципа художественной литературы;

- историко-филологический анализ художественного содержания, структуры и мифопоэтики дастана (поэмы) раннесредневекового болгарского поэта Микаила Башту «Сказание о дочери Шана» (882 г.) и критической литературы о нем;

- анализ этнопоэтики «Слова о полку Игореве» в контексте художественной системы и мифопоэтического строя «Сказания о дочери Шана» Микаила Башту;

- этноментальный анализ памятников деловой переписки архивного фонда «Кизлярский комендант» и других архивных и археографических материалов в контексте диалога культур и толерантности;

- анализ суфийско-экзистенциальной поэзии Абдурахмана из Какашуры (последний поэт средневековья и первый поэт Нового времени) в контексте мотивов эсхатологической борьбы Добра и Зла в суфийской лирике «тюрки»; - анализ историософии Ю.-Э.Аксаевского, Х. Уцмиева и Д.Шихалиева в контексте общественно-политической и просветительской деятельности представителей национально-патриотической интеллигенции народов Дагестана и Северного Кавказа 40-60-х годов XIX века;

- анализ творчества Й.Казака и М.-Э.Османова в историософском освещении;

- анализ творчества Н.Батырмурзаева, М.Алибекова, А.Акаева в культурно-историческом и историософском освещении.

Как видно, специфика социогуманитарного дискурса настоящей работы в большей степени связана с мировоззренческим аспектом, и отмеченные феномены истории, культуры, цивилизации составляют своеобразное ядро культурологического, историософского освещения исследуемой кумыкской литературы Нового времени. Для концепции настоящей работы в этом плане принципиально важным является следующий акцент: когда мы будем говорить об истоках культурных и цивилизационных различий, то речь будет идти о фундаментальных, функциональных категориях - о различных образом прочитываемых принципах мироустройства и целях бытия. Действительно, если обратиться к истории (в частности, мы апеллируем к первому тому девятитомной Истории всемирной литературы, изданной АН СССР в 1983г.), то увидим, что даже такие фундаментальные понятия, как, скажем, время, прочитывались в разные эпохи подчас совершенно различным образом. Так, в аккадском языке понятие будущего обозначалось словом, образованным от корня со значением «быть позади», а прошлое – «дни лица/переда». Само же время понималось не как вектор, но как «срок». Более того, специалисты отмечают, что переводчики, транслируя древние тексты, сами не замечая того, вкладывают в перевод собственное, современное им понимание содержания, сближая

культуры, - в этом, как нам представляется, одна из причин неразличения, неотчетливости ряда серьезных культурных трещин и разломов. В связи с этим кажется уместным акцентировать внимание на том, что диалог, например, успешно ведущийся на основе эмпатии, дружелюбия и поверхностного формата «общечеловеческих ценностей», начинает пробуксовывать как раз тогда, когда речь начинает идти об онтологии, корнях и началах. В этом контексте, очевидно, следует помнить о том, что предельные ценности культур еще не составляют общие ценности, поскольку «молчаливое единство» представляет собой такое состояние, когда еще не затрагиваются этноментальные основания той или иной культуры, другими словами, «молчаливое единство» может иметь основание скорее в психологии, нежели в онтологии. В то же время сами онтологические прописи начал и принципов организации культур и цивилизаций, как полагает Е.М.Мелетинский в упомянутой выше Истории всемирной литературы, могут находиться и вне сознания представителей культур и цивилизаций, будучи при этом вполне укорененными в их психике и общественной практике.

Как отмечалось, основной целью настоящего исследования является попытка рассмотреть кумыкскую литературу Нового времени, опираясь при этом на новейшие научно-критические разработки с точки зрения **историософского** или **культурно-исторического развития**. Логика и методология наших разысканий, учитывающих доступные на сегодня различные историософские теории, отталкиваются от признания определенной ценности в качестве основной – это идея прогресса как мера оценки истории с точки зрения идеалов будущего.

Проецируя историософию на кумыкскую литературу Нового времени, следует специально подчеркнуть, что содержание исследуемой литературы данного периода ее истории, как будет показано ниже, причудливым образом отражает особую – «евразийскую» - историософию, которая является основным предметом настоящего исследования. Как известно, развитие «евразийской» историософии связано с именами Н.С.Трубецкого (1890-1938), П.Н.Савицкого (1895-1968) и, особенно, «неоевразийца» Л.Н.Гумилева (1912-1992).

Поскольку «евразийский» угол зрения на литературный процесс Нового времени в дагестанском и северокавказском литературоведении еще не стал предметом специального исследования, учитывая новизну применения в большей степени геополитического понятия евразийства (отсюда и актуальность его трансформации) в литературоведческом контексте, в диссертации рассматриваются основные признаки этого понятия, так сказать, с первых рук – приводятся наиболее характерные, базовые положения, разработанные теоретиками евразийства.

В контексте с изложенными выше концепциями известных «евразийцев» в настоящей работе предпринято осмысление одной из наиболее пестрой в поликультурном и поликонфессиональном отношении сфер жизни общества в русской классической литературе, в частности в творчестве Л.Н.Толстого. Речь идет об отраженном писателем восприятии культурно-исторического типа межэтнической среды обитания героев его известной повести «Казачи». При этом акцент делается на историческом экскурсе Л.Толстого, представленном на страницах его произведения, и указанная этнографическая и этнологическая сторона повествования Л.Толстого, его исторический экскурс для нашей работы имеет концептуальное значение.

Эта «справка» знаменательна для нас историко-этнографическим и психолого-этнологическим содержанием. Это – твердая, незыблемая материя, в которую вступает герой повести Л.Толстого, где ему в соответствии с специфичным полиэтническим и поликультурным менталитетом придется сделать решительный нравственный выбор, выбор жизненной линии, этического поведения.

Настоящее исследование, по его концепции, является первой попыткой культурно-исторического историсофского освещения кумыкской литературы Нового времени.

Методологическую основу работы составляет интеграция нескольких систем знаний: теория культурной множественности (Х. Ортега-и-Гассет), теория культурных областей и географического распределения культуры (Я.В.Чеснов), теория архетипов (К.Юнг, В.Доманский, Е.М.Мелегинский), теория и история евразийства (Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий, Н.Я.Данилевский, Г.В.Вернадский, Л.Н.Гумилев), принципы культурфилософского изучения литературы (Р.Ф.Юсуфов) в проекции на этнопоэтические константы.

В диссертации мы также опираемся на теоретические положения известных и признанных исследователей литературного процесса: К.И.Абукова, С.С.Аверинцева, С.У.Алиевой, Л.Н.Арутюнова, И.С.Брагинского, Ю.Я.Барабаша, Г.Г.Гамзатова, У.Б.Далгат, В.М.Жирмунского, Д.С.Лихачева, Н.С.Надырных, И.Г.Неупкоевой, К.К.Султанова, Р.Ф.Юсуфова.

При исследовании вопросов, связанных с историей и теорией литературы народов России, мы учитывали наблюдения, содержащиеся в трудах ученых северокавказского региона: А.Ю.Абдуллатипова, А.Г.Агаева, А.М.Аджиева, З.Н.Акавова, С.Х.Акбиева, С.Х.Ахмедова, Л.А.Бекизовой, Т.Ш.Биттировой, А.М.Вагидова, М.А.Гусейнова, Ч.Г.Гусейнова, Н.Г.Джусойты, З.А.Кучуковой, Ш.А.Мазанаева, Г.Б.Мусахановой, А.Х.Мусукаевой, А.М.Теппеева, З.Х.Толгурова, Ф.А.Урусбиевой, С.М.Хайбуллаева, Р.Х.Хаишхожевой, К.Г.Шаззо и др. Их исследования

сыграли важную роль, подготовив теоретико-методологическую основу для изучения этноментального уровня литературных текстов.

В соответствии с поставленными в диссертации задачами возникла необходимость использования сложившейся в последнее время комплексной, междисциплинарной методики исследования, позволяющей сочетать как исторически устоявшиеся, так и инновационные методы анализа. Решение поставленных задач потребовало также обращения к историко-культурному контексту, в качестве которого выступают параллели с иносистемными культурами. Автором использованы сравнительно-исторический, системно-структурный, текстологический, этноонтологический методы исследования в их совокупности применительно к анализу кумыкской литературы Нового времени.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Новейшая терминосистема литературоведения (архетип, мифологема, мифема, мифообраз, концепт, интертекст, интертекстема, прототекст, культурологема и др.) с ее единой антропоцентрической установкой составила оптимальный, оперативный инструментарий для анализа историсофского дискурса кумыкской литературы Нового времени.

2. Проанализированный в работе фольклорный и художественно-литературный, исторический и историко-культурный, архивный и археографический материал, охватывающий более чем тысячелетний – от раннего средневековья до начала XX века – хронологический период, с точки зрения функционировавшей в полиэтнической и поликонфессиональной синкретической среде эпистолографической и архитектонической традиции, позволяет сделать вывод, что выбранный автором настоящего исследования историсофский этноментальный дискурс кумыкской литературы Нового времени вполне дает основание рассматривать и воспринимать ее как единый динамический мегатекст, в котором находит отражение целостная картина мировидения.

3. Анализ этноментальной основы общественной и творческой деятельности кумыкских поэтов, писателей, просветителей, общественно-политических деятелей (Микаил Башту(гипотетично), Умму Камал, Абдурахман из Какашур, Ю.Аксаевский, Х.Уцмиев, Д.Шихалиев, Й.Казак, М.-Э.Османов, М.Алибеков, Н.Батырмурзаев, Ш.Эрпелинский (Байболатов), А.Акаев, З.Батырмурзаев и др.) доказывает, что литература любого народа представляет собой не только высшую форму бытования языка, но и опосредованное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции.

4. Историсофская концепция истории кумыкской литературы Нового времени приобретает особую теоретическую значимость с учетом современных геополитических реалий, поскольку заложенные в ее основа-

ние принципы межкультурной и межконфессиональной интеграции и коммуникации позволяют зримо представить истоки и динамику развития таких фундаментальных гуманистических этических, мировоззренческих концептов, как толерантность, межнациональный мир и согласие и т.д.

5. Выбранный автором в диссертации историософский аспект изучения и осмысления национальной литературы является свидетельством совершающейся сегодня демократизации научной методологии, преодоления односторонне социологических трактовок, заметного усиления интереса к конкретному, разностороннему исследованию исторических фактов и событий.

6. Поэзия обеспечивает наибольший доступ к системе миропонимания народа. Этноисториософский анализ (с элементами текстологии) произведений А.Какашуринского, Ю.Аксаевского, Д.М.Шихалиева, Х.Уцмиева, Й.Казака, М.-Э.Османова, М.Алибекова, Н.Батырмурзаева, А.Акаева и других позволяет выявить архетипы художественного мышления, свойственные данной этнокультуре, независимо от творческой индивидуальности автора. Архетипы обнаруживают себя в форме устойчивых базовых образов и мотивов, мифологем, стилистических фигур, несущих на себе яркий отпечаток национального своеобразия.

7. На данном этапе развития национальной историософии, тесно связанной с этноонтологической наукой, один из главных выводов, который мы сделали после завершения работы, сводится к тому, что любая национальная поэзия старше «самой себя» на несколько тысячелетий, если учесть, что её этноимперативно заданный мыслительный аппарат складывается не тогда, когда первая творческая единица берет в руки перо и бумагу, а в глубокой древности, во времена самозарождения архетипических первообразов сознания.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в научное поле вовлекается этноментальный историософский дискурс, приобретающий сущностные характерологические черты. Теоретические положения диссертации могут быть использованы в общей теории литературы, культурологии, этнологии, а также при создании словарей символов, концептов, архетипов. Фактический материал может быть привлечен для сравнительного изучения этноментального, онтологического аспекта литератур народов России.

Практическая ценность исследования состоит в том, что содержащиеся в нем выводы и литературоведческий материал могут быть положены в основу спецкурсов и учебных пособий, вузовского преподавания литератур народов России. Вместе с этим работа может представлять определенный интерес при создании научных трудов, предусматривающих обращение к кумыкской литературе.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на состоявшемся 01 июля 2009 года (протокол №9) расширенном (с участием в качестве рецензентов заведующего кафедрой литератур народов России и Кавказа Дагестанского государственного университета д.ф.н., профессора А.М.Вагидова и заведующего отделом народного творчества Института языка, литературы и искусств им. Г.Цадасы ДНЦ РАН доктора филологических наук, профессора А.М.Аджиева, а также доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Института ЯЛИ им. Г.Цадасы ДНЦ РАН М.А.Гусейнова) заседании кафедры литературы Дагестанского государственного педагогического университета. По теме диссертации опубликовано более 50 работ, в том числе 4 статьи в вошедших в рекомендованный ВАКом России Перечень рецензируемых журналов, 3 монографии: «Памятники средневековой деловой переписки в Дагестане и на Северном Кавказе в историческом освещении» (2006), «Поэзия Маная Алибекова и кумыкская художественная публицистика начала XX века» (2008), «История кумыкской литературы Нового времени в культурно-историческом освещении» (в соавторстве – 2009) и мифопоэтическая поэма раннесредневекового (IX в.) болгарского поэта Михаила Башту (ок. 835 – ок. 900 гг.) «Сказание о дочери Шана» (вступительная статья, подготовка текста, комментарии и издание – 2003).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения и пяти глав, каждая из которых в свою очередь делится на ряд разделов. Главы и разделы расположены в порядке исторической последовательности анализируемых памятников. Завершают диссертацию итоги исследования и список использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении рассмотрена историография проблемы, определены предмет, цели и задачи, актуальность и научная новизна, круг источников и методы исследования.

Первая глава диссертации – «Памятники древнетюркской художественной литературы и тюркоязычной деловой переписки в Дагестане и на Северном Кавказе XVIII в. в историческом освещении» – состоит из четырех относительно самостоятельных и в то же время исторически и генетически взаимосвязанных разделов. Первый раздел – «Дастан (поэма) Михаила Башту (Киевлянина) «Сказание о дочери Шана» («Шан кызы дастаны», 882 г.) и раннесредневековая литературная традиция. Постановка проблемы: миф или реальность?» Как отмечается в диссертации, по имеющимся на сегодня в исследовательской литературе весьма скудным и противоречивым сведениям, данное произ-

ведение, по мнению ряда исследователей, пережило драматическую судьбу. Прежде всего следует отметить, что как только в 1990 - 1991 годах в Казани, Киеве и Стамбуле в подстрочных переводах на татарский, русский, украинский и турецкий языки поэма увидела свет, как это не раз бывало и раньше, как, например, в случае с обнаружением и обнародованием «Слова о полку Игореве» и других подобных произведений большого историко-культурного значения, появились различные суждения о ней. В ход пускался уже имеющийся и достаточно проверенный, надежный опыт «прицельного» огня: по большей части, эмоциональные, субъективные, вследствие чего неубедительные обвинения в фальсификациях, подменах, подлогах и тому подобных многочисленных грехах тех, кто, основываясь на междисциплинарном (исторический, археологический, этнографических, этнологический, филологический, сравнительный, контекстуальный, сопоставительно-типологический и т.п.) анализе текста произведения в сопровождении собственных комментариев, решался его опубликовать. Кстати, в 2003 году русский текст «Сказания...» вместе с статьями Ф.Нурутдинова, Ю.Олейника, И.Баранова с собственным (в соавторстве с З.Н.Акавовым) вступительным словом издан и нами («Деловой мир». – Махачкала, 2003). Разумеется, что литературный памятник, по заявлению «первооткрывателей», насчитывающий более чем тысячелетний возраст, только сейчас (и, надо признать, весьма загадочным образом) становится достоянием широкой общественности и науки, самим своим появлением вполне естественно вызывает определенные вопросы и сомнения в подлинности. Однако по тому научному и вообще по общекультурному значению, которое представляет содержащийся в нем разнообразный, многопластный культурологический материал, «Сказание ...», по мнению соискателя, вполне заслуживает адекватного историко-философского и филологического осмысления. В этой связи в работе приведены важные, с точки зрения диссертанта, сведения о настоящем памятнике и его авторе, которые представлены редактором турецкого издания поэмы, осуществленного Министерством культуры Турецкой Республики (на турецком и русском языках - Стамбул, 1991), историком, старшим научным сотрудником Государственного объединенного музея Татарстана Нурутдиновым Фаргатом Габдул-Хамитовичем. По его сведениям, Михаил Башту (ок. 835 – ск. 900 гг.) происходил из знатного болгарского рода Синдж (в болгарском произношении – Синтяу или Тимтяу). Его дальний предок – индийский купец Синдж - обосновался в Хорезме, откуда потомок Синджа, уже мусульманин Габдулла Тебир перебрался в хазарский город Семендер. Сын Тебира Шамс (Шамсутдин) переселился в украинскую ставку царя чёрных (западных) болгар Айдары – город Башту (современный Киев), где в 825 году обратился в ислам и Айдары, и часть чёрно-болгарской

знати. Он основал в Киеве пещерный дервишский скит, который позднее преобразовали в Киево-Печерскую лавру.

Сын Шамса Микаиль служил секретарем сына Айдара – Габдуллы Джилки и одновременно занимался миссионерской деятельностью. Около 865 г. начал писать поэму «Шан кызы дастаны» - «Сказание о дочери Шана» - по мотивам старобулгарского героического эпоса под одноименным названием. По месту своего рождения – Киеву – он стал называться «Башту» («Киевлянин»).

В 882 г. Микаиль завершает главный труд своей жизни – поэму «Шан кызы дастаны» и посвящает её вступившему на болгарский престол Бат-Угору. Поэт был величайшим подвижником просветительства. Ещё при Джилки он придает общетюркскому литературному языку «тюрки» значение литературного языка, разрабатывает на основе арабской графики болгарский алфавит и создает болгарскую образовательную сеть из нескольких десятков мусульманских школ – мектебов. Так что его поэму – первое известное нам болгарское литературное произведение на «тюрки» и арабской графике – могли прочесть уже тысячи хорошо образованных болгар.

В диссертации отмечается, что и «Тюркский словарь» Махмуда Кашгарского, и «Слово о полку Игореве», и «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, и «Искандер-наме» Низами Гянджеви учитывали опыт «Сказания о дочери Шана». Наконец, немаловажным представляется и тот факт, что имя автора «Сказания...» связано с Семендером - столицей Хазарии, Северным Кавказом, с древнеболгарским прототюркским языком, к которому восходят современные кумыкский, балкарский, татарский, карачаевский, чувашский и ряд других языков тюркского мира. Микаэль Башту, кажется, первый из просвещенных людей раннего средневековья, использовавших, вместо рунического письма, арабскую графику, что не могло не играть огромной роли в возникновении письменности современных кумыков, балкарцев, карачаевцев, татар...

По мнению диссертанта, «Сказание...» требует самостоятельного и фундаментального исследования. В то же время бесспорно и то, что уже сейчас есть необходимость в историко-культурных уточнениях и, возможно, коррективах истоков художественных культур наших народов, истоков евразийского диалога культур.

Второй раздел – «К вопросу о культурно-историческом значении и художественно-литературных предпосылках «Слова о полку Игореве» в средневековом северокавказском полиэтническом и поликультурном пространстве».

Привлекаемый к анализу бессмертный памятник древней русской культуры, на наш взгляд, знаменателен не только в узком, специальном, научном и историко-культурном отношении.

Несмотря на то, что этот уникальный памятник русской и мировой литературы изучен многими поколениями отечественных и зарубежных ученых различных областей наук и знаний, автор диссертации акцентирует внимание на одной до настоящего времени не ставшей объектом научных интересов ученых, без исторических или иных доказательств не замечаемой наукой проблеме - полиэтническом и поликонфессиональном симбиозе современного Южного федерального округа России в геополитическом пространстве с Древней (Киевской) Русью, стражем в выдающемся раннесредневековом памятнике русской литературы - «Слове о полку Игореве». При этом автор в качестве объекта осмысления апеллирует к опубликованной Андреем Никитиным в 1988 г. в трех номерах журнала «Наука и религия» (9 - С.44-48; 10 - С.13-15; 12 - С.10-13) статье ««Лебеди» Великой Степи», которая, к сожалению, осталась почти не замеченной в науке. По мнению диссертанта, оригинальная историко-культурная концепция писателя и историка А.Никитина написана, как бы предвосхищая некоторые современные (в том числе - евразийскую, полиэтническую, поликонфессиональную и т.д.) концепции российской ментальности: «Почти два века эти люди жили бок о бок с Древней Русью, иногда - среди русских. Вместе с русскими дружинами они участвовали в княжеских усобицах, ходили в помощь русским князьям на Венгрию, Польшу, Волжскую Булгарию, выдавали за них своих дочерей; вместе с русскими встали против монголов и бежали, разбитые, чтобы снова возникнуть на исторической арене Восточной Европы под именем кипчаков, оказавшись впоследствии одними из предков казанских, астраханских и крымских «татар» (мы добавили бы и кумыков, и балкарцев, и карачаевцев - Р.А.). Это - половцы. О них упоминают все учебники русской истории. Их можно встретить на страницах исторических романов и на сцене оперных театров. И всегда оказывается, что половцы - исчадия ада, злейшие враги Руси, коварные и алчные, косоглазые и меднолицые... Так ли это? Не оказались ли мы в плену искусственных концепций, не поняв летописцев или поздних редакторов летописей, смотревших на степных соседей сквозь призму русско-ордынских отношений?» (Выделено нами - Р.А.).

Это - преамбула публикации. Ключевым положением в работе А.Никитина является характеристика половцев, данная монахом-летописцем, что они «...самому Богу враги!»: «Того же лета (6686 - А.Н.), месяца августа, придоша иношiemенницы на Рускую землю, безбожнии измаильяне, окаянные агаряне, нечистые исчадия делом и нравом сотониным, именем Концак, злу начальник, правоверным христианам, паче же всем црквам, идеже имя Божье славится, сими же погаными хулится, то не реку единым крестьяном, но и самому Богу враги: то аще кто любит враги Божья, то сами что примут от бога?..» Представленный А.Никитиным

комментарий этого отрывка из летописи имеет концептуально важное значение для нашего исследования: ««Лебеди» Великой Степи» проясняют многие вопросы этнокультурных и культурно-исторических традиций, унаследованных литературами народов Северного Кавказа, в том числе и кумыков. Но в данном конкретном случае осмысление автором «конфессиональной» ситуации приобретает особую актуальность и теоретическую значимость: представленное А.Никитиным новое, свободное от стереотипов прочтение «Слова о полку Игореве» помогает разобраться в сложном лабиринте межэтнических общений раннего средневековья. Они чрезвычайно важны при объяснении «евразийской» ментальности содержания «Сказания...», «Слова...», «Искандер-наме» Низами, «Витязя в тигровой шкуре» Руставели...

Третий раздел главы - «Средневековая эпистолографическая традиция как системообразующий принцип в формировании национальной художественной литературы».

Настоящий раздел работы, по ее концепции, посвящен научному осмыслению эпистолографических памятников кумыкского происхождения (деловая и частная переписка, грамоты, жалобы, заявления и т.п.) под специфическим углом зрения – отражения в них унаследованных литературных и публицистических традиций. Однако при этом существует ряд трудностей как методологического, так и методического характера. Дело в том, что в дагестанском литературоведении и – шире – культурологии, как нам представляется, еще не накоплен достаточный опыт в этом направлении. Апелляции к архивным материалам, как правило, носят прикладной характер: они, в большинстве случаев, используются для решения конкретных, локальных, исследовательских задач. Работ же, в которых архивные и другие археографические материалы рассматривались бы в комплексе их содержания и формы, явно недостаточно. Нам пока известна только одна монография, специально посвященная данной проблеме. Это изданная Институтом истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН книга Г.М.-Р. Оразаева «Памятники торкоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в.» (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант». Махачкала, 2002).

В диссертации отмечается, что документы фонда «Кизлярский комендант» в подавляющем большинстве являются письмами, т.е. памятниками эпистолярного жанра. Несмотря на то, что в науке еще недостаточно разработаны эпистолографические методы исследования, Г.М.-Р.Оразаев провел, как нам представляется, аргументированный научный анализ документов, рассматривая их в контексте с традициями и канонами известных еще с античного мира письмовников. Согласно существующим на сегодня теориям, эпистолография изучает историю развития письма древнего мира и средних веков, включающую в себе теорию и практику эписто-

лярного стиля, архитектонику писем, средства для написания писем, способы их запечатывания и доставки и, по важности не последнее, конкретно-историческое содержание эпистолярного наследия. Таким образом, привлекаемые в настоящем исследовании для анализа материалы или литературные памятники уместно рассматривать с точки зрения «типологической близости с составом литературы», согласно концепции академика Н.И.Конрада, «складывающегося у народов, проходящих одинаковую по общественно-экономическому и культурному уровню стадию своей истории»². Как показывает специальное исследование Г.Оразаева, документы «Кизлярского коменданта» написаны с довольно четким соблюдением внутренней структуры, архитектоники, сложившейся еще в древности, естественно трансформируясь в соответствии с историческим развитием общей культуры, социальными, политическими и другими изменениями, происходившими в жизни общества. В этом плане Г.Оразаев отмечает концептуально важную особенность рассматриваемых писем: по наблюдениям автора, в своем абсолютном большинстве они напоминают архитектуру античного письма, которая включала в основном три составные части: **прескрипт** (начальная часть), собственно **главная часть** письма и **заключительная клаузула** или просто **клаузула**. Для ясности поясним: **начальная часть** состояла из **инвокации** (богословская преамбула, призыв, обращение, лозунг), **инскрипции** (обозначение адресата, включающее в себя традиционные формулы восхваления в адрес получателя, с упоминанием его должности и чина, имени и отчества), **интитуляции** (обозначение адресанта), **приветствия и пожелания здоровья**, а также **обозначения вида корреспонденции**. Подчеркнем важные для нашего исследования обобщения автора, к которым он пришел на основе эпистолографического анализа архивных документов.

Во-первых, нужно отметить, что в целом письма, образующие специальный фонд «Кизлярского коменданта» и исчезающиеся многими тысячами единиц хранения, составлены в канонах распространенных еще в глубокой древности в Европе и на Востоке письмовников. Этот научный результат является достаточно сильным и убедительным аргументом бытования у народов Северного Кавказа многовековых письменных (в том числе и литературных) традиций с общетипологическими признаками. **Основная часть** рассмотренных в диссертации писем имеет характерное начало (**преамбулу**): конец прескрипта и начало основной части, как правило, выделяются в письмах выражениями типа *ва гене*, *ва дахы*, *эмди*, *ва эмди дахы*, *сонгра*, которые в буквальном смысле означают: «а затем», «а теперь», «и далее», «впредь». Эти выражения употребляются альтернативно, так как являются почти синонимичными друг и особенных стилисти-

² История всемирной литературы. В 9 томах. - Т 1. М.: 1983. С.15

ческих различий между ними нет. Они выполняют в письмах роль вводных слов, служат как бы формулой перехода от начальной части к основной. Затем следует **наррация**. Данный компонент представляет тот раздел текста письма, в котором адресант излагает обстоятельства дела. Это один из главных компонентов в структуре рассматриваемых документов, именно он в основном определяет их содержание. Тут, естественно, не может идти речь о готовых формулах данного компонента: каждая из писем имеет свое оригинальное содержание, сообразное целям его отправителя. В подавляющем большинстве случаев текст наррации (повествования) занимает основной объем текста документа. Следующим одним из важнейших компонентов в рассматриваемых документах является **петиция**, т.е. изложение адресантом своей *просьбы* – то, ради чего и было составлено данное письмо. Из сказанного следует, что наррация и петиция составляют главнейшие компоненты эпистолярного жанра и входят в основную часть структуры письма. Вслед за ними идет *заключительная часть* письма, важнейшим компонентом которой является *формула богославия*, как правило, имеющая множество вариаций, обычно выраженная на арабском языке и, кстати, представляющая собой одну из ходячих формул богославия у мусульман. По наблюдениям Г.Оразаева, такого рода формулы были настолько популярны, что в письмах обычно обозначались скорописью и без всяких диакритических знаков. Наконец, укажем на, возможно, самый важный в вопросах атрибуции текстов (в том числе и устнопозитических, а также и литературных) компонент заключительной части писем – *обозначение отправителя, то есть автора корреспонденции*. При этом следует отметить, что по изначальной функциональной направленности или, как принято сейчас говорить, по целеполаганию, присутствие данного компонента составляло непереносимое условие, так как составленный отправителем текст заключал в себе конкретную цель: быть понятым, определенным образом воздействовать на адресата, вызвать в нем ожидаемые ответные чувства, настроение, сострадание, участие и т.д. А достичь всего этого без указания своего имени, так сказать, анкетных данных, естественно, не видится никакой возможности.

Во-вторых, данная «эпистологографическая ситуация» для нас важна тем, что она позволяет рассматривать ее более широко – в отношении к письменным литературным традициям. К сожалению, мы пока еще не располагаем научными разработками в этом плане, поэтому наши суждения будут носить весьма предварительный и гипотетический характер. Однако, как, на наш взгляд, справедливо полагает и Г.Оразаев, одно кажется бесспорным: анализ конкретного содержания корреспонденций, сопоставление образцов архитектоники писем рассматриваемого периода с примерами из письменных памятников других регионов (например, Поволжья и Урала, Средней Азии, Турции, Крыма, Азербайджана и др.) по-

зволюило бы в той или иной мере судить об уровне развития не только эпистолярной традиции на Северном Кавказе в период позднего средневековья, проследить ее генезис и связи с традициями не только письмоводства других регионов и на других языках, сопоставить и выявить ее отличительные особенности, а также общие с ними черты, но и проследить за тем, как данное явление оказало влияние на традиции литературные. Не вдаваясь в текстологический анализ (самостоятельная научная тема), в порядке постановки вопроса отметим одну примечательную «перекличку» структурных частей «Сказания...», «Слова...», «Дербенд-наме», произведений Низами Гянджеви, Алишера Навои, Умму Камала, Абдурахмана из Какашур, Йырчи Казака, Кязима Мечиева, Етим Эмина, Молла Панах Вагифа, Муллы Джумы... Несмотря на индивидуальное идейно-художественное своеобразие, произведения указанных авторов в композиционно-архитектоническом построении обнаруживают одну, на наш взгляд, генетическую общность, восходящую к канонам древних письмовников.

Четвертый раздел главы - **Полиэтническое и поликонфессиональное пространство памятников тюркоязычной деловой переписки в Дагестане и на Северном Кавказе XVIII века в контексте диалога культур и толерантности.** Вынесенная в заглавие настоящего раздела исследования проблема относится к разряду пока еще не ставших в науке объектом специального изучения и осмысления. В частности, в круг терминов, составляющих суть данной проблемы, входят понятия культура и толерантность – категории, в принципе известные и разработанные, но в то же время впервые применяемые в интересующем нас контексте. Поэтому для четкой определенности предмета исследования в диссертации даются предварительные уточнения о смыслах понятий культура и толерантность в строго очерченном отношении к интересующему нас объекту памятников тюркоязычной деловой переписки в Дагестане и на Северном Кавказе восемнадцатого столетия. В анализе литературного материала будем апеллировать к этической концепции толерантности, которая исходит из гуманистических течений, в которых подчеркивается непреходящая ценность различных достоинств и добродетелей человека, в том числе достоинств (разнообразия признаков), отличающих одного человека от другого и поддерживающих богатство индивидуальных вариаций единого человеческого вида. Речь идет о том, что при рассмотрении и анализе культурных, литературных, письменных памятников автор стремится придерживаться такого ракурса, точки зрения, которые наиболее адекватны их полиэтническому и поликонфессиональному содержанию. В диссертации раскрывается, как в письменных (литературных) памятниках XVIII в. наблюдается стремление адресантов к возможно полному объяснению, анализу их

взаимоотношений с окружающим миром, природой и обществом. Как показывает содержание рассматриваемых писем, их авторы находятся в состоянии какой-то растерянности и потерянности, в мучительных поисках ответа на вопрос «куда ведет рок событий»? Речь идет о том, что рассматриваемый автором в работе адресуемый кизлярскому коменданту «поток» корреспонденций, в которых нашло свое выражение то лихорадочное состояние, в котором находились народы Северного Кавказа, может быть своеобразным отражением определенных социально-исторических примет наступающего Нового (в принципе, в самых общих чертах индустриального) времени. По мнению диссертанта, взятые в комплексе знания, например, лингвистики, социологии, этнологии, истории, философии, литературоведения и т. д., анализируемые в работе письма являются составными частями, важнейшими компонентами, по терминологии известного русского историка Н.Я.Данилевского, определенных «культурно-исторических типов» как единство материального и духовного. Отличительной особенностью прочитываемого в их контексте человека является его существование в конкретной и в то же время в символической среде, которая характеризуется не столько физическими, сколько социальными параметрами и масштабами. Он пребывает в самых различных ипостасях: в условиях грабежа, насилия, обмана, без крыши над головой, без одежды, в условиях оскорбления чести и достоинства, вымогательства и т.д. Вся эта атрибутика повседневности приобретает значение символической метрики. Таким образом, рассматриваемые нами письма «Кизлярского коменданта» позволяют охарактеризовать их как уникальный историко-документальный материал, в котором такое изначально понятное слово «культура» приобретает неожиданную сложность, ибо включает как материальное, так и идеальное содержание.

Вторая глава диссертации – «Традиции поэзии «тюрки» и проблемы эсхатологической борьбы Добра и Зла в кумыкской литературе XIX в. (суфийско-экзистенциальная лирика Абдурахмана из Какашуры – последнего поэта Средневековья и первого поэта Нового времени)». В этой главе рассматривается творчество выдающегося поэта-суфия, в основе которого лежало религиозное учение о конечных судьбах мира и человечества, конце света и страшном суде, которое в науке именуется эсхатологией. Отмечая актуальность изучения суфийско-экзистенциальной лирики Абдурахмана из Какашуры, автор диссертации отмечает, что в истории и судьбах народов мира, в том числе, естественно, и многонациональной, полиэтнической России, несомненно выдающаяся роль в сохранении мира и стабильности, толерантности, принадлежит и религии: ее роль и функции духовной опоры и защитницы личности никогда не исчезали, даже в периоды суровых репрессий, когда авторитет свя-

ищества подтверждался фактами мученичества, фактами гибели за правду, явленную Всевышним. В работе показывается, как восходящая к эсхагологии и вытекающая из нее нормативная этика, суфийская поэзия Абдурахмана из Какашуры исследует вопрос о благе, добре, зле и т.д., вырабатывает моральный кодекс поведения, демонстрирует, что достойно стремлений, какое поведение является хорошим, в чем смысл жизни. При этом автор работы подчеркивает, что в построенных и созданных на указанной концептуальной основе произведениях поэта источником морали является Всевышний Аллах, который выступает как воплощение морального добра и добродетели, а зло и аморальность общества объясняются «грехопадением» человека. Далее в анализируемых произведениях Абдурахмана из Какашуры («В это время конца света...», «Бренный мир...», «Что ты радуешься миру бренному?...», «Я видел...» и др.) Аллах является и единственным критерием морального: тот или иной поступок является добром или злом потому, что он соответствует или противоречит «сущности» или воле бога. Вместе с этим в работе исследуется, как Абдурахман из Какашуры в своих произведениях («Адама сын...», «Много в наше время ученых споров...» и др.) в пределах отмеченных моральных и этических постулатов создает оригинальную модель демократического общества, регулируемого принципами добра и социальной справедливости. В ходе анализа творчества Абдурахмана из Какашуры подчеркивается общемировой контекст литературы, известной под названием «тюрки», в системе которой творил поэт и которая создавалась в принципе в аналогичных с европейскими средневековыми литературами социальных и культурных условиях, определявших их проблемно-тематическое пространство и эстетические признаки и свойства.

Третья глава диссертации – **«Деятельность национально-патриотической интеллигенции 40-60-х годов XIX в историософском освещении (Юсуф Аксаевский, Хасайбек Уцмиев, Девлетмурза Шихалиев)»** – состоит из трех разделов. В первом разделе рассматривается деятельность крупного богослова-просветителя Юсуфа Аксаевского (Клычева) на фоне кавказских событий 40-60-х годов XIX века. Здесь же освещается значение некоторых военных структур Российского государства в формировании культурно-исторического типа, менталитета народов Северного Кавказа и Дагестана на рубеже XVIII-XIX и последующих веков. По мнению автора, в этом плане особое звено занимал **императорский конвой**, в частности, сформированный в 1829 г. исключительно из народностей Северного Кавказа Лейб-гвардии Кавказско-горский полускадрон (с 1832 г. эскадрон) Собственного Его императорского Величества конвоя, который функционировал с 1829 по 1881 год. Официальное и общественное мнение об этой государственной структуре противоречиво: в девятнадцатом столетии служба в нем считалась самой приоритетной и

имела самый высокий рейтинг; после 1917 года по известным историческим и социально-политическим причинам отношение к конвою естественно резко изменилось. При этом характерно, что по историко-культурному аспекту данной проблемы не было (и до сих пор еще не сложилось) научно обоснованной концепции. Мы пока располагаем точкой зрения З.З. Акавова, изложенной в его книге «У истоков демократической государственности» (Махачкала, 2001). Мы разделяем точку зрения автора, согласно которой создание конвоя по существу было направлено против антиколониального движения горцев, т.е. в своем замысле это царская структура, которая имела перспективу амортизировать национально-освободительное движение на Северном Кавказе, спустить его на тормозах, остановить и подавить. Несмотря на это, как отмечается в диссертации, царское правительство вынуждено было идти на ряд культурных мероприятий, чтобы стабилизировать сложную военно-политическую ситуацию. Так, проходящим службу в конвое был предоставлен свободный доступ в столичные культурные заведения: театры, библиотеки, учебные заведения и т.д. Многие горцы получали возможность учиться в учебных заведениях Санкт-Петербурга. Только в 1834 году в его военные учебные заведения поступили 74 человека из Дагестана, Чечни и Кабарды. А с 1830 по 1840 гг. в учебных заведениях было 314 горцев Северного Кавказа. С. Петин в своей книге «Собственный Его Императорского Величества конвой. Исторический очерк» (Петроград, 1911) сообщает также, что служившие в конвое горцы имели полную возможность общаться с образованной русской интеллигенцией. Многие из них учились в Дворянском корпусе: Шангерей, Казы-Герей, Ю. Клычев (Яхсаевский), Хасайбек Уцмиев, Д. Шихалиев, М. Туганов и др. Таким образом, отслужившие свой срок «четырёхлетний термин» в конвое по приезду на родину оказывались проводниками просвещения в смысле распространения культуры, образования.

Вместе с этим нам представляется важным акцентировать внимание на аспекте царского конвоя, который в науке еще не стал объектом специальных исследований: осмысление имеющейся по этому вопросу литературы позволяет говорить о том, что конвой вполне мог и, возможно, полностью поглотил в себе известный и хорошо себя зарекомендовавший еще с XV-XVI веков институт аманатства. Одновременно с этим следует отметить важное значение конвоя и как государственно-военной структуры, в которой духовно-культурное воспитание являлось одним из важнейших политических приоритетов правительства.

Вместе с этим в диссертации акцентируется внимание на деятельности, которую вели отслужившие в конвое свой «четырёхлетний термин». Это в основном - старшины, переводчики, адъютанты, муллы, кадии, адвокаты, старосты и другие чиновники среднего звена. Многие же получа-

ли перевод в канцелярию Кавказского корпуса, как это случилось, например, с Х. Уцмиевым, Д. Шихалиевым, Ю. Клычевым и др. По возвращении на родину многие из них объединились в благотворительное общество, включились в практическую деятельность по открытию различных товариществ, ссудносберегательных касс и прочих форм организации и оказания материальной и интеллектуально-образовательной поддержки населению, особенно неимущему его слою. Все это, подчеркнем, означало, что конвой объективно формировал, воспитывал совершенно новое поколение - национально-патриотическую интеллигенцию - народов Северного Кавказа и Дагестана.

Одним из просвещенных кумыков, кто составлял «первую волну» императорского конвоя, был известный в середине XIX в. ученый, поэт, просветитель Хаджи Юсуф-эфенди Клычев-Аксаевский. Несмотря на то, что Юсуф-эфенди Аксаевский в свое время пользовался большой, почти легендарной популярностью, в то же время следует отметить скудность наших знаний и представлений о его жизни и многогранной просветительской деятельности. Существующая на сегодня та же скудность критической литературы, к сожалению, не позволяет воспроизвести его гворческий и гражданский портрет. Известная оппозиционность Ю.-Э. Аксаевского по отношению к юридизму в дальнейшем осмыслении его биографии сыграла, мягко говоря, противоречивую роль. В то же время, возможно, первое библиографическое слово о нем было высказано секретарем Шамиля Маго-меддибиром Карахским и известным просветителем Гасаном Алкадарским, политические взгляды и пристрастия которого совпадали с русско-кавказской концепцией поэта-просветителя из Аксая. Опубликованное и прокомментированное Г. Алкадарским в «Асари Дагестана» стихотворное послание Ю.Э. Аксаевского к юридам стало «вещественным доказательством», «аргументом», «картой», разыгрываемой политиками той или иной политической ориентации. При этом служба Ю.Э. Аксаевского в конвое в должности его эфендия также интерпретировалась в зависимости от идеологических установок.

Как отмечается в диссертации, исследуемый в ней историко-культурный материал о конвое и ранее привлекал внимание многих ученых – историков, философов, литературоведов, краеведов. Между тем новый – **историософский** – аспект его рассмотрения, который нами предпринимается впервые в науке, по нашему мнению, требует подобных уточнений, так как новые подходы, другими словами, предмет исследований наших уважаемых предшественников в принципе отличается от стратегии настоящей работы. Интересующий нас историософский аспект предполагает более специфичные категориальные или акценты, в значительной степени связанные с понятиями культуры и власти, личности и власти, художника и власти, литературы и власти и т.д. в контексте поли-

этнической, поликультурной и многоконфессиональной специфике самоидентификации народов не только современной, но и исторической России (Руси), демонстрирующих собой ядро свразийской культурно-исторической идентичности.

Второй раздел главы «Хасайбек Уцмиев(1808-1867)» посвящен освещению и научному осмыслению биографии одного из выдающихся и ярких представителей национально-патриотической интеллигенции народов Северного Кавказа.

Как отмечается в диссертации, среди известной исследовательской литературы о Х. Уцмиеве особенно ценны работы С.Ш.Гаджиевой, Ч.Гусейнова, Г.Б. Мусахановой, З.Н.Акавова и З.З. Акавова, которые содержат много интересного, познавательного о связях нашего земляка с интеллигенцией 40-60-х годов XIX века. В результате создан довольно широкий и богатый социально-культурный фон, на котором разворачивалась поистине исторического значения, полная творческих подъемов и драматических поворотов общественная и интеллектуальная жизнь Хасайбека Уцмиева. Зять карабахского хана, генерал, потомственный князь, всесторонне и глубоко эрудирован, имеет завидные связи с российской и зарубежной научной и литературно-художественной интеллигенцией, из которой один только перечень знакомств (А. Пушкин, М. Лермонтов, А.А. Бестужев-Марлинский, П. Бестужев, П. Каменский, М.Ф. Ахундов, барон Розен, А.К. Бакиханов, Х. Абовян, И. Куткашенский, А. Дюма. Эр. Ренан, Ёырчи Казак, Магомед Османов и др.) выдвигает Х. Уцмиева в самые передние ее ряды. По мнению диссертанта, изучение и осмысление биографии Х. Уцмиева актуально, главным образом, в плане освещения и оценки его социально-политической, мировоззренческой эволюции, установления ее органической связи с освободительным движением в России, в частности народов Северного Кавказа и Дагестана в XIX в.

В этом аспекте именно история фамилии, биография Уцмиевых представляется весьма любопытной и поучительной: жизнь многих поколений этой фамилии сложилась и эволюционировала таким образом, словно являла собой показательный пример, иллюстрацию зарождения и последующего развития самого феномена просветительства. В историографической литературе еще в XIX веке, в частности в трудах А. Берже, В. Потто, Н. Дубровина, Д. М. Шихалиева и др., за главным приставом Кумыкского владения Мусой Уцмиевым закрепилось представление как о «деятеле времен Ермолова», которого сам генерал характеризовал как «усерднейшего российского чиновника». (М. Мансуров. Засулакская Кумыкия. - Махачкала, 1994, с. 23). Личность, облик и образ его сына - Хасайбека Уцмиева - в народе и светском обществе (в частности, по свидетельству М. Ф. Ахундова, И. Казака, графа Воронцова, Ал. Дюма, с одной стороны, а с другой - начальника Терской области Лорис-Меликова, глав-

ноуправляющего канцелярией Кавказского корпуса Карцева) еще при жизни приобрела легендарные черты. В работе омечается значение личных взаимоотношений М. Уцмиева с А. П. Ермоловым в связи с трагическими событиями, имевшими место летом 1825 года в с. Аксай и повлекшими гибель генералов Грекова и Лисаневича. Несмотря на то, что князь М. Уцмиев своей усердной службой в армии доказывал личную верность присяге, в чем Ермолов не сомневался, однако предусмотрительный во всем и умудренный многолетним военно-политическим опытом генерал, чтобы и в будущем исключить даже гипотетически возможные колебания и изменения в настроениях Уцмиева, после «разбирательства» с аксаевцами, уезжая в Тифлис, взял с собой семнадцатилетнего сына князя Хасайбека в аманаты.

С момента прибытия в Тифлис Х. Уцмиев считается состоящим на службе и оказывается под непосредственной опекой, заботой и вниманием А. С. Грибоедова, который, судя по его переписке после отмеченных событий, живо интересовался у молодого князя историей его родины, обычаями, нравами, словом, всем тем, что составляет, по современной терминологии, национальный менталитет. Хасайбек Уцмиев, находившийся в штабе Кавказского корпуса в Тифлисе, как выше отмечалось, проживал вместе с ссыльными декабристами П. Бестужевым, П. Каменским, куда к своему брату часто приезжал другой декабрист А. А. Бестужев-Марлинский. Однако вскоре, в 1832 году, поручик лейб-гвардии гренадерского полка Х. Уцмиев едет в Петербург, в императорский конвой, службу в котором сочетает с обучением в кадетском корпусе.

После окончания с отличием в 1838 г. кадетского корпуса в звании корнета Х. Уцмиев был зачислен штаб-ротмистром Лейб-гвардии Кавказско-горского полускадрона императорского конвоя. Но уже вскоре канцелярией штаба войск Кавказской линии и Черногории Х. Уцмиев привлекается для сбора сведений по обычному праву Кавказских горцев. Так, еще с 1842 г. он выполняет поручения канцелярии по управлению мирными горцами по сбору и систематизации адатов, а также занимается переводами с арабского языка книг по шариату. В диссертации особо подчеркивается важность функционирования в штабе Кавказского корпуса такого структурного подразделения как специальная служба - канцелярия по управлению мирными горцами, выполнявшая важные для населения региона просветительские задачи. При этом на Х. Уцмиева делается особая ставка: на него возлагается обязанность организации большой исследовательской деятельности специально для этой цели сформированной группы. 18 декабря 1842 г. за подписью заведующего канцелярией подполковника Бибикова и резолюцией командующего войсками Кавказской линии генерал Головина издается распоряжение, по которому «... сбор сведений об адате, кроме господ частных начальников, поручить на Левом фланге

гвардии штабс-ротмистру князю Хасаю Уцмие-ву...». В эту «экспедиционную» группу входили также «майор Шарданов, штабс-капитан Шора Ногмов, поручик Магомед Дударов, флигель-адъютант полковник Хан-Гирей, кумыки - капитан Касим Курумов, находящийся на службе в Кавказско-горском полуэскадроне, аксайский кадий Юсуп Клычев, «знающий хорошо арабский язык», и штабс-капитан Девлетмурза Шихалиев». (С. Ш. Гаджиева. «Д.-М. М. Шихалиев и его труд «Рассказ кумыка о кумыках». - Д.-М. Шихалиев. Рассказ кумыка о кумыках. - Махачкала, 1993, С. 10-11)

По мнению автора диссертации, «звездными» периодами жизни и деятельности Х. Уцмиева можно назвать те времена, когда он находился на службе в штабе кавказской армии при наместничестве М. Воронцова и Н. Муравьева. В исторической литературе достаточно полно и убедительно освещена позитивная роль Н. Н. Муравьева по стабилизации русско-кавказских отношений в свою бытность командующим войсками на Кавказе, деятельность которого, по всеобщему признанию, отличалась либеральностью и лояльным отношением к населению и народам этого края. Из такой его общественной позиции, вполне открытой, понятной и ясной в равной мере народу и властям, само собой следует мысль о привлечении состоящих при нем в качестве ведущих экспертов по кавказской проблематике Х. Уцмиева, Д. Шихалиева, М. Ф. Ахундова и других к разработке наиболее приемлемых предложений и рекомендаций для готовящейся встречи с имамом Шамилем.

Несмотря на то, что достигнутый Муравьевым отмеченный дипломатический прорыв был санкционирован и Петербургом, в то же время нашлись ярые противники мирного исхода, в частности в лице князя Барятинского, давно метившего в командующего войсками на Кавказе и, движимого исключительно карьеристскими вождениями, регулярно отправлявшего в Петербург докладные, в которых содержались обвинения в адрес наместника за его мягкость, лояльность в отношении к кавказским народам. В результате Н. Н. Муравьев в 1856 г. был отстранен, и занятие его места Барятинским нарушило договор, вместе с этим и команда Муравьева, в том числе и Х. Уцмиев попали в немилость к оному. Для Х. Уцмиева отставка Н. Н. Муравьева оказалась началом и его постепенного отстранения начальством от участия в разрешении вопросов, связанных с жизнью народов Северного Кавказа. Началась травля, вносится разлад в отношения с женой. Но Х. Уцмиев не желает так легко отстраняться, пытается доказать ошибочность выбранной начальством национальной политики. Однако к его словам никто из начальства уже не прислушивается. Барятинский занят вопросами создания на базе существовавших национально-территориальных образований Дагестанской и Терской областей, реформировании системы управления и под этим «соусом» устранением неугодных ему офицеров и штабистов, в том числе и Х. Уцмиева. Между

тем, как видно из приведенных данных, Хасайбек Уцмиев был в обществе, в окружении подобных себе патриотов своего народа. По своим взглядам он так же, как и его единомышленники, был типичным просветителем, убежденным сторонником концепций развития народа как субъекта российской государственности.

Третий раздел настоящей главы посвящен раскрытию историсофии выдающегося просветителя Девлетмурзы Махмудовича Шихалиева, формирование которого проходило также под воздействием идей русского просветительства. Как явствует из его трудов, Д. Шихалиев глубоко воспринял основные приоритеты просвещения: борьбу против крепостнических порядков и феодальной идеологии, защиту интересов народных масс, просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и т.д.

Однако в этом аспекте деятельность Д.М. Шихалиева специально не исследовалась. В то же время следует отметить, что при исследовании и изучении феодальных отношений средневекового Дагестана, а также его новейшей истории ни один ученый не обходится без историко-этнографического труда Д.М. Шихалиева «Рассказ кумыка о кумыках». Заслуживают особого внимания и самой высокой похвалы труды. В диссертации отмечается вклад профессора С.Ш. Гаджиевой в изучение и осмысление исторических взглядов Д.М.Шихалиева. По нашему мнению, С.Ш. Гаджиева совершенно правильно акцентирует внимание на очень серьезном аспекте «Рассказа кумыка о кумыках», позволяющем раскрыть отношение автора к важнейшей проблеме, связанной с драматическими коллизиями в судьбах кумыкского народа.

В диссертации особенное внимание обращено на то, что Д.М. Шихалиев как просветитель действительно не мог обходить проблемы национальной идеи. Вопрос только в том, как она проявлялась, разрабатывалась Шихалиевым - чиновником царской администрации, представителем господствующей власти, и Шихалиевым - просветителем, выразителем общечеловеческой идеи, идеи гражданского общества. В этом плане автор отмечает, что ситуация Д.М. Шихалиева характерна была для национально-патриотической интеллигенции народов всех окраин Российской империи. Как свидетельствуют архивные материалы и научная литература по проблеме, указанная ситуация составляла объект, предмет заинтересованных, глубоких раздумий и адекватных им индивидуальных решений и поступков. Вариант радикального идейно-политического размежевания в этом вопросе с царским правительством рассмотрен нами выше на примере генерала Х. Уцмиева. В этой связи, по мнению диссертанта, интересно сравнение позиций Д.М. Шихалиева и представителей интеллигенции других народов Северного Кавказа, в частности, адыгских, армянских и других просветителей, кстати, вместе проходивших службу на различных инстанциях институтов (военного, административного, гражданского)

управления в администрации Кавказского корпуса. При этом автор апеллирует к именам широко известных по научным публикациям ученых и общественных деятелей Азербайджана, Армении, Грузии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни, Ингушетии. Это Х. Абовян, М.Ф. Ахундов, А.К. Бакиханов И. Атажукин, К. Атажу-жин, Ш. Ногмов, С. Хан-Герей, С. Адиль-Гирей, А.Г. Кешев, И. Чавчавадзе, Х. Ахриев, С.Казы-Гирей, С. Урусбиев и другие. Более того, их связывает, главным образом, служба в Лейб-гвардии Кавказско-Горском полуэскадроне императорского конвоя, а также учеба в Кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, где они получили настоящую школу военной закалки и национально-патриотического воспитания, воспитания товарищества и взаимопомощи, сотрудничества, служения отечеству и народу. Они занимались собиранием, исследованиями исторических памятников, разработками письменности родного языка, вопросами образования, литературным творчеством. Будучи на военной или гражданской службе, они выступают с проектами по совершенствованию общественного строя и быта народа. В «Рассказе кумыка о кумыках» Д.М. Шихалиева вместе с отмеченным выше энциклопедизмом интеллекта автора специфическое преломление находят его просветительские социально-политические историко-философские взгляды.

Таким образом, Д.М. Шихалиев предстает как один из выдающихся северокавказских просветителей середины XIX века, жизненная и творческая биография которого, к сожалению, не нашла достаточного освещения и оценки. В частности, не исследовано, чем занимался Д.М. Шихалиев после отставки в 1869 г., но известно, что в 1882 году в звании полковника был одним из учредителей «Общества по распространению технических знаний и ремесел среди туземцев Терской области», функционировавшего до октября 1917 года. При всем этом бесспорно одно: его «Рассказ кумыка о кумыках» - это сочинение не только в жанре историко-этнографического очерка: он представляется произведением, в котором автор, обращаясь к истории своего народа, поднимал остро современные национальные проблемы, связанные с этносом, в котором особое место занимает вопрос о его субъектности в истории. «Рассказ кумыка о кумыках» Д.М. Шихалиева - это грустная история о потерянных единстве и целостности народа.

Из сказанного вытекает, что национально-патриотическая интеллигенция народов Северного Кавказа и Дагестана вместе с владельческими князьями в событиях периода Кавказской войны не могла вести себя иначе, как быть верной присяге русскому правительству при вхождении в состав России, поскольку сознавала легитимность иерархии, когда Власть выступает как носитель и инструмент социально необходимого Насилия, подчеркнем еще раз, необходимого для самосохранения общества (как, впрочем, и для собственного самосохранения). Кажется парадоксаль-

ным, но, как показывает исторический опыт, легитимное насилие со стороны власти действительно необходимо обществу, ибо при отсутствии явственной силы власти сверху, катастрофически возрастает спонтанное насилие снизу, устанавливая над обществом некий мафиозно-уголовный диктат. Об этом, на наш взгляд, свидетельствуют многочисленные факты и последних десятилетий, в частности военные и политические события, имевшие место как в постсоветском пространстве (Грузия, Киргизия, Узбекистан, Украина), так и в России (Чеченская Республика). Указанная социально-политическая ситуация, по-видимому, имеет глубокие корни.

Таким образом, Засулакская Кумыкия с того самого начального этапа, когда стала фактом отпочкования от шамхальства, была вовлечена в закономерности принципиально иного типа связей, отношений, контактов и т. д. Более того, подчиняясь силе, воле, диалектике новых обстоятельств, она постепенно развивала в себе те черты и признаки, которые впоследствии явилась убедительным материалом, позволившим ученым ставить и разрабатывать проблемы неравномерного развития той или иной региональной или зональной общности внутри какого-либо государства. В этих социально-исторических условиях и обстоятельствах протекала деятельность национально-патриотической интеллигенции народов Северного Кавказа и Дагестана, в частности Юсуфа Аксаевского (Клычева), Хасайбека Уцмиева и Девлетмурзы Шихалиева.

В четвертой главе диссертации – **«Кумыкская литература XIX века в историософском освещении»** – в двух разделах анализируется творчество классиков кумыкской национальной литературы Йырчи Казака и Магомед-эфенди Османова.

В первом разделе главы **«Культурно-исторические типы, или историософия Йырчи Казака (1830-1879)»** исследуется творчество гениального поэта кумыкского народа, стоявшего у истоков национальной литературы, с именем которого связаны её формирование и поистине небывалый взлет. В работе анализу произведений предшествует обзор критической литературы о жизни и поэтической судьбе поэта, в частности указывается участие известных ученых – историков, философов, культурологов, лингвистов, литературоведов и критиков, чьи научные интересы в той или иной степени связаны с творчеством классика дагестанской литературы (Г.Г.Гамзатов, К.Д.Султанов, Р.Ф.Юсуфов, К.К.Султанов, Г.Б.Мусаханова, А.С.Гаджиев, С.М.Алиев, К.И.Абуков, З.Н.Акавов, А.М.Аджиев, А.Ю.Абдуллатипов, К.М.Алиев, Д.М.Хангишиев и др.)

По мнению диссертанта, несмотря на рост научных работников, чьи исследовательские интересы связаны с творчеством Й. Казака, еще не найден верный «ключ» к научному осмыслению художественного метода поэта. В интересующем автора культурно-историческом историософском аспекте изучения художественного метода особую актуальность приобре-

тает новое прочтение творчества Й. Казака в его диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности с мировоззрением, идейными и общественно-эстетическими установками поэта. В условиях, когда отсутствует основанное на документальных фактах жизнеописание писателя, приходится пользоваться методом текстологического изучения связей творчества поэта с теми событиями, которые находят свое отражение в его творчестве. Естественно, речь идет о реальных событиях. При этом необходимо быть максимально внимательным к соотношению исторического и вымышленного, факту и художественному обобщению. По единодушному мнению исследователей творчества поэта, одним из доминирующих признаков поэтики Й. Казака является верность художника точности изображаемых фактов, явлений, которые затем, в процессе творческого «воплощения» в образы получают иную, обобщенную жизнь. То есть поэзии Й. Казака характерно как бы «документальное» следование за событиями, которые осмысливаются, «переживаются» им в определенных идейно-эмоциональных «позициях». Кстати, такая «событийность», «прикрепленность» произведений к фактам (биографическим, историческим и т.д.) составляет отличительную черту, своеобразие художественного метода Й. Казака. Поэтому в аспекте проблем и задач настоящего исследования установление этой взаимосвязи творчества поэта с коллизиями социально-исторической действительности имеет особое значение.

1860 – 1880 годы являются периодом интенсивного творческого развития Йырчы Казака. В это время он создает такие произведения, как «Не в чести теперь острые клинки» (1860), «На смерть Абдулмуслим-шамхала» (1860), панегирики «Умар-эфенди Османову» (1863 – 1864 гг.), «Замечательному хозяину Шихмурзе Аджаматову» (1865), «Шамилю» (1864), эпитафии «На смерть генерал-майора князя Хасая Уцмиева» и «Еще раз на смерть Хасая Уцмиева» (оба в 1867 г.), «В день скандала не ликуют» (около 1868 г.), «Письмо Магомед-эфенди Османову» (1873), «Венок песен» (1870-е годы), «Песня пахоты», «И мы поклялись...» и др.

Характеризуя идейно-тематическую концепцию, «выбор предмета познания» в этих произведениях, следует подчеркнуть, что в них в основном отражена действительность 60 – 70 годов XIX века. Причем знаменательно то, что отражается изменившееся во многом мировоззрение поэта, в поисках идеала обращающего свои взоры на поднимающуюся новую «поросль» - национально-патриотическую интеллигенцию: ученых, поэтов, общественных деятелей, деловых представителей рождающегося класса буржуазии, которые можно рассматривать как **историсофскую концепцию** Й.Казака. Вместе с конкретизацией, определенностью «предмета познания» происходят коренные изменения в построении произведений, с акцентом на создание характера, культурно-исторических типов героев новой формации, вбирающих в свою структуру идею народного бла-

га в широком смысле слова. В этом направлении формируется **исторно-софское мировоззрение** поэта. Самыми существенными компонентами этой идеи являются защита интересов трудящихся масс, крестьянства, в частности: человеколюбие (это понятие в определенной степени расчленено – т.е. угнетатель и угнетаемый достойны не одинаковой любви); просвещение народа и т.д. Указанная особенность мировоззрения **Й. Казака** предполагает поиски в окружающей новой национально-исторической среде людей, личностей, индивидуальностей, являющихся реальными носителями существенных, с его точки зрения, особенностей национально-исторической жизни. Отсюда и создание «характеров», правда, во многом заданных, схематичных, «плакатных». **Й. Казак**, очевидно, осознанно выделяет, усиливает, развивает в идеализируемых им характерах именно эти стороны и отношения – разумное рачительное хозяйствование, гуманизм по отношению к трудящимся массам, высший интеллект, честность, справедливость и т.д.

В этом аспекте анализируем такие произведения **Й. Казака**, как «У.-Э. Османову», «Письмо М.-Э.Османову», «Шихмурзе Аджаматову», «Еще раз на смерть Хасая Уцмиева», «Письмо имаму Шамилю», в которых не только нашли художественное воплощение характеры, идейно осознанные и оцененные поэтом, но и такие, в которых наиболее зримо отразились историсофские взгляды поэта. Все это свидетельствовало о том, что в творчество **Й. Казака** мощной идейно-эмоциональной волной вторгается национально-патриотическая проблематика, составляющая ядро его историсофии и одну из основополагающих общественно-эстетических задач в художественной системе просветительского реализма.

Таким образом, творчество **Й. Казака**, взятое в целом, позволяет определить действительную его доминанту, некие объективно присущие ему общественно-эстетические признаки. Речь идет об объективно историческом содержании тех героев, которых **Й. Казак** рисует в качестве положительных примеров из современной ему социальной действительности. Это – типы национального «культурного слоя» - **Х. Уцмиев**, **М.-Э. Османов**, **Ш. Аджаматов**, **У.-Э. Османов**. Как показано выше, созданные **Казаком** структуры их характеров имеют вполне четко обозначенные общественные, социально-исторические ориентиры. **Й. Казак** в своих общественно-эстетических построениях исходит во многом из идейно-политической и историко-культурной ориентации **Х. Уцмиева** и **М. Османова** потому, что поворот народного поэта в сторону таких жизненных «героев», как **Ш. Аджаматов**, **У.-Э. Османов**, **Х. Уцмиев**, **М. Османов** даже сам по себе значит очень многое. Исторически это и перспективно: именно этот «культурный слой» рождающейся национальной интеллигенции носил в себе еще в нерасчлененном виде идею народа и народности.

Таким образом, социально-исторические условия и обстоятельства, вторгнувшиеся в его жизнь, биографию, ускорили процесс вызревания, развития и качественного превращения во второй, послесельский, период интуитивно приобретенного в философско-исторически и общественно-эстетически осознанное методологическое утверждение историософского мировоззрения поэта. Этому в значительной степени, очевидно, способствовала «включенность» Й. Казака сразу после возвращения из ссылки в литературный «стиль» эпохи, общественные и художественно-эстетические тенденции которой развивались в системе идеалов просветительства. Получилось так, что народный поэт сразу же вступил в идейно-творческое общение с молодым поэтом М. Османовым, начало творчества которого было отмечено разработкой национально-патриотической проблематики в художественной системе просветительского реализма.

Во втором разделе этой главы рассматриваются **жизнь и деятельность Магомед-эфенди Османова (1840-1904) в историософском освещении**. Резюмируя, следует сказать, что достаточно исследованный учеными литературный материал в настоящей работе будет рассматривается в новом прочтении через призму двуприродной – поликультурной и полинациональной – формы самоидентификации индивида и этноса, то есть литературы России развиваются на протяжении столетий в пространстве русского языка и русской культуры, а русская литература функционирует, в свою очередь, в пространстве полиэтнической, полицивилизационной, поликонфессиональной России. Отмечается, что, несмотря на осуществленный исследователями кумыкской литературы (А.-П. Салаватовым, А.Н. Батырмурзаевым, К. Султановым, Г.Б. Мусхановой, И. Керимовым, С. Алиевым, З. Акавовым, А.-К. Абдуллатиповым, С. Акбиевым) большой вклад как в воссоздание картины развития национальной литературы, так и в освещение творчества и М.-Э. Османова, все ещё немало проблем, требующих более глубокого теоретического осмысления в аспекте концепции настоящей диссертации.

В последнее десятилетие в научный обиход вошли исследования таких известных ученых, как Г. Гамзатов, Р. Юсуфов, Каз. Султанов, Э. Касиев, К. Абуков, С. Алиев, А. Вагидов, А. Абдуллатипов, З.А. Кучукова и др., в которых представлены интересные мысли и наблюдения, открывающие новые, неиспользованные возможности прочтения художественного культурного наследия, в том числе и творчества М.-Э. Османова. Как известно, творчество М. Османова развивалось в два – петербургский (1860 – 1881 гг.) и послепетербургский (1882 – 1904 гг.) – периоды. Уже в первом своем поэтическом выступлении в стихотворении «О себе» Османов пытается осмыслить вопрос о назначении человека в обществе и месте поэта в нем. Именно раздумья об ответственности человека перед обществом, перед народом, проблема «поэт и гражданин» - важные вопросы

в лирике М. Османова в самом начале поэтического творчества. Это существенный рубеж в формировании историософского мировоззрения будущего поэта просветительского реализма. Думы о положении народа, утверждение гуманизма как мировоззрения, образ музы, сливающийся в поэтическом сознании Османова с образом родины – все это свидетельствовало о признаках народности его творчества: поэт искал возможностей общения с аудиторией, музыка становится для него посредницей в разговоре с читателем.

В исследуемом историософском аспекте методологического становления принципа народности в литературе народов Северного Кавказа важной явилась разработка эмигрантской проблематики, раскрывающейся в таких произведениях, как «Мнение муллы Акая о Турции», «Опровержение Шамсутдина-хаджи на мнение муллы Акая о Турции», «Письмо Абдурагим-муллы мулле Акаю», «Ответ муллы Акая на опровержение Шамсутдина-хаджи». Стихи отразили драматическую страницу жизни народов Северного Кавказа.

Какова социально-историческая база, на которой основываются идейно-философское содержание и общественно-эстетическая ценность данного цикла стихов М. Османова, объединенных единой мыслью, единой задачей и единым сюжетом? Этот вопрос требует особого внимания: речь идет о том, насколько северокавказская литература дееспособна и состоятельна, на каком уровне она обсуждает, анализирует и дает определенную идейно-эмоциональную оценку социально-историческим событиям, имевшим не какое-нибудь локальное значение в жизни народа. Вопрос стоял о существовании или вымирании целых наций и народностей вообще. Поэтому в данном случае на проверку ставится степень социально-политической глубины и художественной зоркости поэтического видения, историософии М. Османова в одном из кардинальных вопросов национальной истории.

М. Османов, глубоко переживавший эту трагедию народов, откликнулся произведением, которое было подобно политическому воззванию. Трудно требовать от М. Османова осознанного признания исторической роли народа в условиях 60 – 70 годов XIX века. Но, как об этом свидетельствует реалистическая архитетроника «мухаджирского цикла», он видел включенность судеб народов Северного Кавказа в исторический поток, их подчиненность общему движению. Произведение проникнуто духом скорби, сострадания горю людскому.

Особое значение в названном цикле приобретает тема народа, «народного мнения», который не безмолвствует, напротив, возмущается, выступает за свои права. Патриотические историософские взгляды этого героя мотивированы политическими обстоятельствами, общественной несправедливостью. Поэт ведет поиск художественного воспроизведения

массового бедствия в огромном по масштабам историческом действии. Народ здесь не только объект изображения, но и общественно-эстетическая, идейно-художественная методологическая проблема. Таким образом, цикл стихов М. Османова о мухаджирах свидетельствует не только об идейной зрелости поэта, но с этим тесно взаимосвязана народность его позиции, гражданское мужество, ибо выступать против Турции – «обетованной земли» – открыто, публично, печатно, противореча симпатиям мусульманского мира, было протестом против схоластики и догматизма, национализма и пантюркизма, оппозицией по отношению к ортодоксальному исламу. Выступление М. Османова выражало историософские настроения передовых сил (в том числе и просветителей), боровшихся за гражданские свободы и считавших, что демократические принципы реализуются посредством обеспечения равноправия граждан перед законом.

В работе отмечается значение открытого в 1882 году благотворительного Общества, проливающее яркий свет на послепетербургскую деятельность М. Османова. Эти важнейшие моменты биографии М. Османова нашли отражение в литературной практике поэта, составляя тесную связь поэзии с жизнью на пути возникновения реалистического искусства. Общественный опыт способствовал идейному росту М. Османова, развитию и углублению демократических, историософских общественно-политических воззрений. Жизнь, ее социальные коллизии мощным потоком вторгаются в творчество М. Османова. Поэмы «Шамхал», «Жалоба аксайцев», цикл стихов о старшинах, «Слово судьи» и т.д. – это те произведения, в которых заключены глубокие раздумья о судьбе народа в пореформенную эпоху.

Многогранное творчество М. Османова – и тогда, когда оно утверждает, и тогда, когда отрицает и клеймит, – всегда проникнуто единым помыслом, оно – о человеке совершенно новом. Комплекс нравственного содержания такого человека несет в себе прообраз гражданина общества, о котором мечтал М. Османов и которого он хотел видеть хозяином. В этом смысле историософские нравственные уроки М. Османова весьма поучительны, обладают большой функциональной значимостью. Османовым принципиально, методологически обоснованно разработана «структура» такого человека. От более элементарных черт психологии человека, таких, как бытовые добродетели, он поднимается до вопросов высокого гражданского долга: о назначении человека вообще, ответственности перед родиной и народом, назначении поэта и поэзии. Художественная эволюция несла с собой углубление социальных историософских корней мировоззрения и художественного метода. Постоянно нарастающее чувство горечи, переживания, обиды за народ, тревоги за его судьбы приводят М. Османова к горестному признанию его сомнений в возможности изменить

миропорядок. Лирический герой Османова, ощущая жестокую противоречивость общества, выражает настроение эпохи удушья: «сердце разрывается, видя эту всю несправедливость, но нет той силы, которая бы смела все эти беспорядки» - таково содержание характеристики, данной поэтом своему времени.

Между тем система взглядов на государственно-правовое устройство, отразившаяся в поэзии, основана на демократических принципах: страной, народом должны править добропорядочные люди и гуманные законы. Новый человек представляется М. Османову не абстрактным понятием, он реален, наделен самыми добродетельными чертами. Поэт разрабатывает целый комплекс, лежащий в основе концепции человека. Разум, знание, просвещение в большинстве стихов выступают критерием положительных качеств человека и народа в целом.

Пятая глава диссертации «Кумыкская литература начала XX века в культурно-историческом освещении» посвящена анализу творчества Нухая Батырмурзаева, Маная Алибекова и Абусуфьяна Акаева.

В работе отмечается, что, несмотря на достаточно большой объем кумыкской литературы данного периода, представленной именами М. Алибекова, Н. Батырмурзаева, З. Батырмурзаева, А.Карамурзаева, А.-Г.Ибрагимова, А. Шемшединова, М. Казанбиева, Ш.Байболатова, А.Магомедова, А.Кадиева, А.Акаева, А.-В.Дыдымова, Д.Ханакаева, Д.Магомедова, Алипмурзы из Хамаматюрта как выразителей различных социально-культурных и общественно-литературных тенденций в народной жизни, именно творчество выбранных в качестве основного объекта настоящего исследования писателей, по давно сформировавшемуся в критике и литературоведении мнению, составило значительный фонд родной словесности.

Наиболее характерными и яркими представителями историософского просветительского направления в кумыкском обществе в интересующий автора период, по всеобщему признанию, являлись М. Алибеков, Н. Батырмурзаев и А.Акаев. Несмотря на то, что творчество, а также их биографии в определенной степени изучены, многие вопросы, связанные с их мировоззрением, все еще остаются недостаточно исследованными. Так, в частности, автору диссертации представляется важным отметить своеобразие их просветительских взглядов, в недостаточной степени осмысленных в научно-критической литературе. В этом плане в работе делается первая попытка рассмотреть специфическое, отмечая, при этом и то общее, что их объединяет. Так, по нашему мнению, доминирующим в историософских воззрениях М. Алибекова является государственно-правовой аспект, проблемы политической системы, структуры кумыкского общества. Н. Батырмурзаев же в большей степени разрабатывает нравственные проблемы, вопросы морали, этики. В то же время он не обходил и жгучих

социально-политических вопросов национального бытия, но преломлял их через призму морали, нравственности и этики. А.Акаев, также один из ярких составляющих «триумvirата», оригинально определил свою историософскую «нишу» в национальном возрождении: «быть опорой к хромой ноге» народа, видя эту задачу в разработке проблем развития родного языка и литературы, в научно-издательской, просветительски-популяризаторской деятельности, собирании и издании с последующим распространением среди народа образцов устного народного творчества и произведений выдающихся поэтов Й.Казака, М.-Э.Османова, Абдурахмана из Какашур и других, в том числе и своих современников; в составлении, издании и распространении энциклопедических, толковых и многоязычных словарей, столетних календарей; в переводах и адаптациях на родной язык произведений восточной классики...

Как показывает творчество, М. Алибеков не был лишь посторонним наблюдателем и созерцателем всего того, что совершалось рядом и вокруг, в крае, в России, в мире. Точно так же, как и собратья по перу (Н. Батырмурзаев, Абусуфьян и другие), он активно реагирует и пытается влиять на морально-нравственный поток своими художественно-публицистическими средствами. Как в этом убеждают прежде всего и лучше всего произведения, а также свидетельства современников поэта, М. Алибеков очень остро реагировал на пульс времени, используя для этого любые возможности, формы общения - встречи, беседы, переписку, печать, периодическую печать и т.п. В этом плане очень много, по нашему мнению, М. Алибекову дала "Кумыкско-ногайская хрестоматия", изданная М.-Э. Османовым в 1883 году в Петербурге, которая формировала его историческую память и в то же время давала ему фундаментальное, классическое художественное, литературное образование. Другим таким "авторским свидетельством" общего подъема духовной энергии народа, которое, бесспорно, могло стимулировать и М. Алибекова, было издание Абусуфьяном в 1903 году в г. Симферополе произведений народного творчества и поэтов 19 века И. Казака и М.-Э. Османова.

Факт наличия в абусуфьяновском "сборнике стихов" поэмы М.-Э. Османова "Гюлкызы", опубликованной в османовской хрестоматии, свидетельствует об установленных еще ранее контактах А. Акаева с М.-Э. Османовым, М. Алибековым и Н. Батырмурзаевым. По мнению диссертанта, М.-Э. Османов, вручая экземпляры своего петербургского издания всем трём патриотам, видел, чувствовал в них будущих замечательных борцов за духовно-культурное возрождение родного народа, по-отечески благословил и скрепил их дружбу и единомыслие.

Далее, рассматривая историософию М.Алибекова, Н.Батырмурзаева и А.Акаева в отдельности, в диссертации на основании применения новых, в частности, междисциплинарных методик анализа общественно-

литературных фактов и явлений предприняты попытки внести поправки в изучение и осмысление их многогранной творческой деятельности. Так, по мнению диссертанта, в предшествующих настоящему исследованию трудах ученых внимание в основном акцентировалось на критическом, обличительном пафосе М. Алибекова, в то же время интересующий автора работы историософский программно-позитивный аспект не получал достаточного научного осмысления или же он характеризовался как показатель ограниченности, уязвимости идейно-художественной концепции, системы поэта. Между тем, по нашему мнению, произведения этого плана (как впрочем и все творчество) М. Алибекова при теоретическом осмыслении должны рассматриваться в соответствии с их авторской установкой, которой в произведениях М. Алибекова как раз и выступает историософская публицистическая направленность. Указанная авторская установка, как нам представляется, обуславливала стремление или тяготение поэта к осознанной актуализации, тенденциозности, нагнетанию, усилению политических акцентов. М. Алибеков даже в "мелочах" пытается усмотреть проявления глобальных тенденций современной жизни. При этом доминирующим во всех случаях у М. Алибекова являлся общественно-политический ракурс мировидения. С этой точки зрения все произведения М. Алибекова представляются одним большим объемным рассказом: размышления о времени, об обществе, о народе, о родине и т.д. "Русско-японская война" ("Рус-япон даву", 1905), по мнению исследователей, занимает особое, специфическое место в этом "рассказе" о судьбоносных, поворотных событиях в жизни страны и ее народов. В работе отмечается, что военное столкновение двух империй - России и Японии - в произведении М. Алибекова в большей степени перенесено в политический план. Печальные итоги войны (поражение русской армии на суше и на море, заключения мира путем позорной уступки исконно российских территорий и т.п.), считает М. Алибеков, заставляет серьезно задуматься над тем, сможет ли Россия вообще обеспечить безопасность страны и ее народов. Характер мотивации отрицательного ответа на этот судьбоносный вопрос, стремление к доказательству несостоятельности законодательной и исполнительной ветвей власти, приведшей к отчуждению народа от государства, которое выражается в его неповиновении и многочисленных бунтах, выступлениях с экономическими и политическими требованиями, - все это определяет и наиболее полно представляет историософское своеобразие произведения М. Алибекова, даже особенности его лексики и синтаксиса. Обильная военная терминология, вводимая в синтаксические конструкции, показывающие и раскрывающие захватнические и грабительские вождения царской власти, воссоздает атмосферу удушья, обреченности, всеобщего хаоса, скепсиса и брожения. Многократно повторяющиеся лексемы "захват Манчжурии, без объявления войны вторжение на чужие

территории, "миллиарды денег", "необученные солдаты" в роли "пушечного мяса", понапрасну брошенные в "кровавую мясорубку", мёрзнувший и мрущий военный гарнизон в осаждённом Порт-Артуре, оставленные японцам Сахалин, Мукден, Харбин и многое другое являются всего лишь отдельными (хотя и значительными) структурными срезами, компонентами того социально-исторического и общественно-политического состояния, в котором оказалась Россия в начале 20 века. Единая цепь приведённых выше звеньев, эпизодов, срезов, видимых сквозь призму конкретного литературного текста "Русско-японской войны", может воспроизвести страшную картину тотального оглупления, манкуртизации сознания и психологии общества. М. Алибеков очень удачно и точно сформулировал эту логику в чрезвычайно емкой, филигранно отточенной и отшлифованной крылатой фразе: "японцы раскрыли изнанку, скрытую суть вещей" ("японлар ачып кьойду яшырылган ишни гыакын").

М. Алибеков прогнозирует, что если Россия не перестанет обманывать народы и себя и если она не выплатит ультимативно предъявленные ей долги, ценою которых она может как-то выйти из войны, то в скором, к весне 1905 года, ее территориальные потери могут простираться до Урала. Неудавшийся эксперимент России бумерангом бьёт ее же: она оказывается отстраненной от мирового сообщества, лицом к лицу со своими проблемами, не вызывая никакого сочувствия или участия со стороны других народов и государств: "Выйти из ямы, в которую попали, у них (русских) нет силы. Все со стороны смеются, и никто не помогает" ("Тюшген чунгурдан чыкыма Буланы гючю етмей, Кьырдан кьарап кюлейлер, Бири де кёмек этмей").

Таким образом, "Русско-японская война" предстаёт как одно из самых смелых в истории кумыкской литературы антимилитаристских произведений, где отчетливо проступает темперамент борца, стремящегося охватить современность во всем многообразии её сторон, отозваться немедленно на все вновь возникающее, тотчас же активно вмешаться в общественно-политическую битву, повлиять на её желательный исход художественной публицистикой, которой он владел превосходно. Концентрация удара по администрации, критика ее деспотизма перерастает в критику антинародной классовой природы монархической системы правления.

На этом фоне специфичными представляются произведения М. Алибекова, объединенные "парламентской" проблематикой, в частности "Свобода" ("Гьурият"). В исследовательской литературе о М. Алибекове это произведение часто рассматривалось как отражение заблуждений, идейных "шатаний", зигзагов в творчестве поэта. Однако в контексте современных процессов, происходящих у нас в стране, наблюдая за парламентскими дебатами в центре и в регионах и сопоставляя их с содержи-

ем алибековских произведений, нельзя не отметить определённую крайность приведённых выше оценок.

По нашему мнению, конкретно-историческое осмысление убеждает в глубокой внутренней взаимосвязанности со "Свободой" всех произведений, созданных и написанных М. Алибековым. Стихотворение написано 8 мая 1906 года по свежим впечатлениям от открытой в апреле того же года Думы. Немедленно откликаясь на это событие, М. Алибеков пишет: "В апреле месяце нам Дума открылась. Что же она сделает, увидим и силу этой Думы..." ("Бизге Дума ачылды апрель айны ичинде. Не этер экен гёрейик о Думаны гючюн де..."). По этим начальным строкам ощущается некоторая настороженность в интонации: автор в них нейтрален в выражении собственного мнения, более того - приглашает и читателя потерпеть с выводами, посмотреть, на что она вообще будет способна. Но авторская мысль простирается дальше. Ему кажется, что Дума является той формой власти, которая олицетворяет вековые мечты, чаяния и думы о счастливой жизни народа, соотечественников, всех россиян.

Всё живое, светлое, плодотворяющее, высокое и возвышенное отныне, по мнению М. Алибекова, связано с Думой. Соответственно меняется интонация, ей сопутствуют высокий пафос, патетика, восклицательно-побудительный синтаксис и т.д.: "В Думе депутаты все дела пусть в руки возьмут! Как дерево с мощными корнями, да укрепится наша Дума! Каждому делу хорошие законы пусть наша Дума примет! Гнёт, смуты, разбой пусть хоть отныне прекратятся. Нам давно было слышно красивое твоё имя "Дума". Пусть всем народам справедливым будет, эй Дума! каждое твоё начинание! Эй Дума! Ты избавь все народы от настоящего гнёта. В их сердцах не вмещаются слезы, которыми они захлёбываются. В муках - страданиях груди, думами полны сердца... О свободе ныне молитвы всех россиян. Свободы светильник в нашей Думе возгорится. Во всех краях, местах зажгутся электрические фонари. Пусть наша Дума даёт всему миру свет! Все народы ждут от Думы одинакового света. Если Дума света не даст, все на корню захиреет, зачахнет: понапрасну пропадут милые души, большие богатства. Мирным справедливым путём пусть свободу завоеует. Да избавит наша Дума от грабежа и разбоя! Представители (депутаты) от каждых мест, верим, в Думе будут вершить только справедливость. И свобода восторжествует, слава богу, скоро!"

Как видно из приведённого текста произведения, Государственная Дума, по мнению автора, возникла как отрицание тоталитарного режима-монархизма. При этом она представляет собой законодательную ветвь власти, призванную разрабатывать и предлагать исполнительной власти концепцию, реализация которой гарантировала бы благополучие всех граждан. Смысл алибековских лозунгов, таким образом, в самых общих, объединяющих свойствах, чертах и признаках представляется очень со-

звучным с программами сегодняшней официальной политики. Основную цель своей общественно-литературной деятельности Алибеков видел в стремлении просветить народ, помочь ему освободиться от рабской психологии, порожденной веками гнета и несправедливости, разбудить его гражданское самосознание для коллективной борьбы за свои права и свободы.

М. Алибеков - писатель современных, злободневных, сегодняшних тем. Он - летописец живой общественной мысли, текущих политических настроений и нравов, совершающихся социальных и политических процессов. Его волнуют, главным образом, те общественные драмы и комедии, которые происходят перед его глазами, в его время, которые глубоко потрясают и ранят весь общественный организм и в конечном счете самым губительным образом отражаются на простом человеке. Страстный искатель путей народного благополучия, М. Алибеков увидел в Государственной Думе прообраз демократического общества, которое обеспечивало бы равные права, возможности, условия для полноправной деятельности каждому его члену. Своеобразно разрабатывается эта проблема Н. Батырмурзаевым в произведении «Положение Кавказа и России» (1907), где аспект его внимания значительно шире, исторически пространнее. Писатель пытается показать не только историческую и политическую, но и классовую сущность вещей, связей, конфликтов, ответить на вопросы национального бытия и вскрыть общность судеб народов Кавказа и России, их идентичные цели, их интернациональные устремления.

Прежде всего, обращает внимание авторская формулировка произведения «Положение Кавказа и России». Само название претендовало на разрешение или во всяком случае на постановку очень существенных, сложных проблем современности. Не какое-нибудь будничное, обыденное, а большое, общественно значимое, исторически пространное стояло в объективе его внимания. Первые строки произведения знакомят читателя с Кавказом, его чудесной дивной природой, богатствами, плодородием, ископаемыми. Еще не открытая страна, она является средоточием, центром притяжения внимания государств, строящих различные планы использования ее богатств. Н. Батырмурзаев создает такую ситуацию, в глубине которой заложен социальный и политический конфликт.

Все последующее изложение вытекает из авторской расстановки социальных сил общества на различных ступенях его развития (феодализм, присоединение к России, режим самодержавия, формирование пролетарского самосознания и революционной борьбы) - эксплуататоров и эксплуатируемых, - конфликт между которыми составляет движение истории развития общественных отношений. Обе эти высокие, максимальные оценки сопутствуют всему повествовательному воспроизведению движения истории народов России. Кульминационным завершением этой кон-

фликтной ситуации является уход шамхалов и князей с исторической арены.

Следующий «разрез» истории Батырмурзаев связывает с присоединением Кавказа к России, которое находит в сознании народа образную ассоциацию с весной, т. е. свежестью, обновлением, радостью того, что зима кончилась, пойдет хорошая «погожая» жизнь «Когда за тем пришли русские, немного свободнее стало». Народ так подумал: ушла зима, настала теперь весна». («Андан сонг орус гелип, эркинлик болду бир аз. Халкъ шулай хыял этди: кыш гетди, энди болду яз»).

Однако настрой мечты и реальность находятся на разных полюсах, организуя контрастную картину социальной действительности, отраженной в произведении. Тиски самодержавного угнетения - это и те дискриминационные обстоятельства, в которые скованы нерусские народности России. В заявлении писателя, что «десять мусульман не приравняются к одному мужику» («мусульманны онавун бир мужукъгъа тенг гёрмей»), заключен большой смысл, который находит в диссертации свое раскрытие. Трагизм положения усиливается ссылкой на факты эмиграции мусульман в Турцию, к которому они вынуждены прибегнуть и из-за шовинизма. Родина, дом, родня, близкие, оставляемые «здесь» и совершенно неизвестная, полная лишений и страха чужбина «там», - эти полярные «символы» составляют драматизм ситуации, которую тяжело, как великое горе, вынужден принять соотечественник:

Масхарамы гишиге

Айрылмакъ яшавундан

Оъз халкъыны ичинде

Тапгъанын ашавундан

Разве шутка человеку

Расстаться со своей родиной?

С честно заработанным хлебом

Среди своих людей?

Своеобразен конец этого лирического размышления, возвещающий о начале нового этапа в общественной жизни. Заключительные «аккорды» данного повествования перекидывают мост к новым социальным реалиям, которые как бы встряхивают Россию, выворачивая ее кровотокающую в противоречиях изнанку. Строки о том, что «И между тем не опоздало, немного спокойнее стало...» вдруг неожиданно приносят внутреннее освобождение, располагая читателя к новым, иным ощущениям, ассоциациям. И последующее двустипшие, что «России сердце переполнилось незабываемым горем» (Аресеини юреги таймас къайгыдан толду»), является вступлением в новую ассоциативную связь с событиями русско-японской войны и первой русской революции. И снова писатель вспоминает образ возмездия, который привел Россию, по словам Батырмурзаева, «в состояние растерзанной собаки» («янчылыгъан итдей этди»). Это образное сравнение России, какой она пришла к концу ею же навязанной войны, с жалким, распластаным видом побитой (побежденной) собаки, как нельзя лучше показывало реальное положение вещей.

Затем следует перечисление поражений русской армии в Порт-Артуре, Харбине, на Сахалине, в Маньчжурии, на Балтийском и Черном морях. Следует подчеркнуть, что такая статистика, перечисление фактов войны, сопряженных с многочисленными человеческими жертвами, имеет для писателя концептуальное значение, чтобы показать не только противоречия России накануне и во время войны. Это исторический урок. Военное поражение России стало поворотным пунктом в решительном выступлении народа за социальную и духовную свободу. По произведению Батырмурзаева, опосредованно через авторское повествование ощущается, что народ вырос политически, он заявляет о своих правах, требует свободы. «Когда японцы побили русских», пишет писатель, и стало очевидным положение самодержавного строя.

.... Народ, живший в угнетении,
Обрел свою голову.
Организуя внутри страны борьбу,
Свободу потребовали.

«Борьба», «свобода», «равноправие» - в эти политические формулы облечена идейная и нравственная атмосфера Кавказа и России начала XX века.

Подъем общественной жизни, описываемый Батырмурзаевым, показывает, с одной стороны, оживление, активизацию народного самосознания, его решимость встать «на бой кровавый» за свои классовые интересы. С другой стороны, правительство, поставленное противоречиями во внутренней и внешней политике в безвыходное положение, приговоренное к позорному столбу, стало перед необходимостью признать эту реальность. Русско-японская война и революционное брожение в стране отрезвили правительство. Батырмурзаев показывает контраст между возможностями России и техническую мощь иностранных, в частности японских, войск.

Здесь уместно сравнить позицию Н. Батырмурзаева и М. Алибекова. Н. Батырмурзаев с совершенно иных позиций рассматривает этот вопрос. Государственная Дума, по его убеждению, это уловка самодержавия с целью отделаться и отговориться перед взволнованным народом. В речах министров и собраниях Думы поэт видит лицемерные объяснения в преданности отечеству и народу:

Министры пытаются
Смыть старый позор.
Одни речи произносят,
Очищаются другие.

Здесь важно авторское отношение к «речам» министров, этот концептуальный, мировоззренческий момент имеет принципиальное значение для уяснения той общественно-литературной борьбы, которая определяла перспективы развития демократического направления в общественной

мысли народов Дагестана. Авторская установка с апелляцией к народной мудрости («Разве от мытья чистой станет пропитавшаяся грязь» - «Жувгъан булан гетерми синген эсги кирлери») служит обоснованию идеи, что созыв Думы - это политическая уловка правительства.

Имеет свою логику постоянное нагнетание символов. Требования свободы, равенства встречают острый протест правительства и закономерно вырастают в «кровавые волны», «текущую кровь» народную.

Подчеркивается решимость народных масс вести борьбу до конца, несмотря на жертвы и лишения, ибо приносят жертвы во имя жизни и свободы. Реакция, наступавшая в ответ на революционные выступления масс в 1905 году, унесла много жизней, но это, пишет поэт, не в силах остановить могучий поток, пришедший в движение. Он высоко отзывается о тех, кто за счастье отечества жертвуют жизнью, «безумству храбрых поет славу»:

Англавлу асил адамлар

Кебю сибирге гетди.

Азиз ата юрту учун

Жанларын Къурбан этди.

Суть уяснившие благородные

Многие в Сибирь сосланы.

За любимое родное отечество

Свои жизни в жертвы принесли.

Таким образом, Н. Батырмурзаев показывает, как постепенно, но неминуемо пробуждается народ, решительно начинает выступать за свои права. В прошлом отсталый и забытый, он приобщается к революции, перестав бояться господ. В этих объективно исторических условиях Н. Батырмурзаев серьезно задумывается над положением восточных народов.

В этой части поэмы отводит видное место идеям просвещения, верит в особенность человеческого разума раздвигать границы наших знаний, обогащать их новыми идеями и открытиями, двигать человечество по пути прогресса. Хотя поэт рассуждает о путях выведения малых народов из мертвой «азиатчины», он не отгораживает развитие своего народа от общественно-политической и естественнонаучной мысли России и Западной Европы. Н. Батырмурзаев следит, изучает и осваивает их достижения.

По мнению Н. Батырмурзаева, важно не только то, что наука, просвещение поднимают духовную культуру народа. Это одна сторона дела, главное он видит в гражданском историко-софском воспитании, в осознании благодаря просвещению собственной ценности личности, ее общественного назначения. Вооружая «простой народ» передовой наукой, просвещением, пишет Н. Батырмурзаев, открываем ему глаза, он будет самостоятельно и трезво разбираться в острых социальных противоречиях:

.. Если неведающие

Увидят пользу учения,

Тогда народ, глаза открыв,

Поняв пользу просвещения,

Вникнет в суть вещей
И перестанет верить сказкам.

Призывая и пропагандируя идеи просветительства, Н. Батырмурзаев работает на то, чтобы вооружить народ знанием положения вещей. Формулы «открыть глаза», «перестать верить сказкам» - объективно означали: помочь увидеть социальные противоречия и в перспективе борьбу за освобождение. Политический идеал Н. Батырмурзаева не ограничивался задачами общечеловеческих интересов, он не только отразил смятение и брожение, охватившее страну в эти годы, но показал, что возмущения народа перерастают в организованные выступления. В прошлом отсталый и забитый народ приобщается к революции. Это было новаторским явлением, ярким свидетельством эволюции просветительства.

В этой когорте подвижников духа, просвещения особое место принадлежит Абусуфьяну Акаеву (1870-1932).

В работе отмечается, что многогранная деятельность Абусуфьяна, его сознание были вызваны временем и подчинены его задачам. Выступление Абусуфьяна было замечательным явлением кумыкской жизни. Но еще значительнее был тот факт, что выступление его оказалось не единственным, а стояло в ряду других. Период просветителей одиночек прошел. Дагестанское просвещение начиналось как общественное движение. Задачи, поставленные историей, решали деятели, сознательно ставшие единомышленниками, а иногда и люди, лично не связанные между собой, но исповедовавшие единую «религию».

Абусуфьян принадлежал к тому направлению культурных деятелей Дагестана, которые называли себя джадидистами. По мнению автора, Абусуфьяна, Н.Батырмурзаева, М.Алибекова и других волновали не столько политические теории джадидизма, сколько его религиозное свободомыслие. Старая религиозная литература, в частности суфийская поэзия, запрещала вторгаться за пределы богопознания, привязывала ум и сердце человека, ставила его в зависимость от загробной жизни. Творчество Н.Батырмурзаева, М.Алибекова, Абусуфьяна и других как раз восставало против этой скованности, обличало и предавало проклятию условия бытия, подавляющие свободу человека. Эти историософские идеи звучали в унисон с идеями новометодного джадидистского движения на том этапе его развития, когда оно развивалось в русле гуманистического и даже в своих отдельных моментах демократического направления.

В их произведениях проходит идея всенародного благоденствия, призыв осваивать новые формы хозяйства, приобщиться к передовой европейской культуре и просвещению. Известны факты широкого обмена мнениями по вопросам джадидизма между М.Алибековым, Н.Батырмурзаевым и Абусуфьяном, которые свидетельствуют о том, что различные писатели по-своему понимали и объясняли сущность и харак-

тер джадидизма, в частности дагестанским просветителям были чужды националистические призывы, от которых не свободны были, например, такие деятели, как И. Гаспринский и др. Напротив, дагестанским писателям-просветителям, в частности Н. Батырмурзаеву, Абусуфьяну, М. Алибекову, в особенности, близка была идея интернационального единения и всеобщей дружбы.

В истории развития литературы кумыков особенное место занимает абусуфьяновский «Сборник стихов», где собраны образцы народной словесности и произведения кумыкских поэтов. Составление и издание произведений фольклора и литературы до Абусуфьяна было предпринято еще в 1883 году в Санкт-Петербурге по решению Совета факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета в типографии Императорской Академии наук кумыкским поэтом-просветителем, преподавателем университета Магомед-эфенди Османовым. Тираж этого издания составлял всего 320 экземпляров.

Абусуфьяновское издание 1903 года показывает, что составитель сборника опирался на «Кумыкско-ногайскую хрестоматию» М. Османова: в него вошли почти весь кумыкский фольклор и произведения Й. Казака и М. Османова из «Хрестоматии». Затем, после возвращения из стран мусульманского Востока, в 1912 году в Темирханшуре в типографии Мавраева (первый сборник был издан в г. Симферополе) Абусуфьян переиздает свой сборник, значительно дополнив его фольклорным материалом, а также произведениями литературы (Й. Казака, М. Османова, М. Алибекова, Н. Батырмурзаева, Абусуфьяна). В отличие от других (новометодно, джадидски религиозных) изданий «Сборник стихов» Абусуфьяна представляет собой важное звено в культурной жизни, литературе кумыкского народа. Антология открывала перед читателем мир художественного мышления трудящегося человека, этический кодекс народа, красоту и энергию родного языка.

В отличие от других (по крайней мере большинства) его изданий джадидского толка «Сборник стихов» объективно выполнял важную общественно-идеологическую функцию, содержание томика вполне отвечало задачам социально-политического, идейного воспитания народа. В помещенных в «Сборнике» более чем шестистах пословицах, в героических, исторических и героико-исторических песнях, произведениях Й. Казака, М. Османова, Н. Батырмурзаева отразились достоинство и ум народа, его критическая идейно-эмоциональная оценка всего темного, реакционного, антинародного, в них в целом созданы многогранные образы угнетателей народа, образы тех, кого народ хотел осмеять, выставить напоказ в неприглядном свете. Из поездки в страны Востока Абусуфьян вынес определенную национально-патриотическую истину: произведения народного твор-

чества помогают воссоздавать многовековую историю народа, его историческую память.

Абусуфьян Акаев представляет собой в высшей степени интересную фигуру в истории кумыкского культурного движения начала XX столетия. Ум, воля и упорство способствовали тому, что он стал-образованнейшим человеком своего времени, а разносторонность интересов позволила ему внести значительный вклад в различные отрасли кумыкской культуры.

В **Заключении** подведены итоги исследования и сделаны следующие выводы.

Выбор темы историософского освещения истории кумыкской литературы Нового времени обуславливается несколькими соображениями концептуального характера. Первое из них - аспект типологический. Так исторические судьбы кумыков, как и других народов этого региона, на протяжении всей своей этнической истории претерпели, по существу, одни и те же социально-исторические процессы: совместное отражение набегов крымских ханов, султанской Турции, шахской Персии в XVI-XVIII вв. укрепляло исторические связи этих народов не только между собою, но и с Российским государством. Накануне завершения Кавказской войны все народы Северного Кавказа, в том числе кумыки, балкарцы, карачаевцы, ногайцы, в результате массового переселения пережили общую трагедию, покинув родные края и оказавшись на чужбине в Турции.

Во-вторых, предшествующий настоящей работе опыт научного осмысления в то же время актуализирует то исследовательское положение, в котором оказывается, например, культурная история кумыков. Создававшаяся и развивавшаяся в течение многих столетий в системе богатейшей тюркской цивилизации, после монгольского нашествия и следовавшей за ним исламизации и вследствие распада золотоордынского "эпического" единства, вся культурная история кумыков оказывается включенной в иной национально-культурный регион - Дагестан, - где уровень развития социальных отношений имел существенно различные истоки, определяющиеся, прежде всего, неравномерностью этих отношений в различных - горных и предгорных - районах в пределах даже одной зональной общности. Такое положение является, очевидно, важным фактором, имевшим свои последствия в научно-исследовательской ситуации. Вырываясь из северокавказского контекста история кумыков в более или менее обобщающих опыт развития национальных культур исследованиях "пристраивается", правда, с незначительными оговорками о ее специфике, к дооктябрьскому дагестанскому историко-культурному процессу. Указывая на это, естественно, речь не может идти о том, будто бы в прошлом существовала некая "китайская стена", отделявшая жизнь кумыков от их горских соседей. Кумыки естественно вступали в творческое взаимодействие с культурой Дагестана, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии-

Алании, Кабарды, Балкарии, Карачая, Азербайджана, России и т.д. Научная абстракция в данном случае должна строиться на обобщении доминантных черт, признаков, тенденций социально-исторического и общественно-культурного развития. На таком обобщении, очевидно, более плодотворно будут разрабатываться проблемы определенной системности той или иной региональной или зональной культурной общности. Современная наука преодолела односторонние социологические трактовки; заметно усилился интерес к конкретному, разностороннему исследованию исторических фактов и событий. Однако есть ещё немало историко-культурных явлений, требующих обстоятельного изучения, нового осмысления в свете широкой перспективы развития общественного сознания данной исторической эпохи, уточнения привычных, но порою малообоснованных оценок.

Новейшая терминосистема литературоведения (архетип, мифологема, мифема, мифообраз, концепт, интертекст, интертекстема, прототекст, культурологема и др.) с ее единой антропоцентрической установкой составила оптимальный, оперативный инструментарий для анализа историософского дискурса кумыкской литературы Нового времени.

Выполнение этой задачи и сложно, и легко одновременно. Сложность связана с тем, что не существует стереотипного, трафаретного плана по созданию подобной научной концепции по причине ее уникальности, специфичности, малосовпадения с другими. Облегчает же задачу то, что у современного исследователя окажется под рукой огромный массив исследовательских работ литературоведов-предшественников, фольклористов, культурологов, историков, этнологов, которые до нас зафиксировали «эмпирический слой» народной культуры. Так, вряд ли наша работа оказалась бы возможной, если бы не труды Д.М.Шихалиева, Т.Макарова, В.Д.Смирнова, В.В.Бартольда, А.Н.Веселовского, В.М.Жирмунского, Н.Трубецкого, П.Савицкого, В.Вернадского, Л.Гумилева, М.-Э.Османова, Н.Батырмурзаева, М.Алибекова, А.Акаева, А.-П.Салаватова, А.Аджаматова, А.-В.Сулейманова, К.Д.Султанова, Г.Г.Гамзатова, Р.Ф.Юсуфова, Э.Ю.Кассиева, Г.Б.Мусахановой, С.М.Алиева, З.Н.Акавова, Ш.А.-К.Мазанаева, Н.А.Горбанева, А.-К.Ю.Абдуллатипова, К.И.Абукова, А.М.Аджиева, А.М.Вагидова, С.Х.Акбиева, И.Х.Асекова, М.А.Гусейнова, С.И. Урусбиева, И.П. Крымшамхалова, З.Х. Толгурова, А.М. Теппеева, Т.Ш. Биттировой, З.А.Кучуковой, многочисленных безымянных сказителей и «скрипторов» устной народной поэзии.

Автор настоящего исследования поставил перед собой задачу рассмотреть историософский этноментальный дискурс кумыкской литературы Нового времени, воспринимаемой нами как единый динамический метатекст, в котором находит отражение целостная картина мирозидения. При этом следует отметить, что живя с рождения в кумыкской «этнокультуре»

турной капсуле», владея родным языком, мы имели возможность не только теоретически, но и эмпирически наблюдать за «конфигурацией мысли» кумыка и анализировать её. К факторам «везения» можно также отнести многолетнюю практику преподавания в вузе истории русской литературы и журналистики, поскольку данный опыт оказался бесценным для проведения сравнительно-сопоставительного анализа этнических историсофских концепций.

Поэзия обеспечивает наибольший доступ к системе миропонимания народа. Этноисторисофский анализ (с элементами текстологии) произведений А.Какашуринского, Ю.Аксаевского, Д.М.Шихалиева, Х.Уцмиева, Й.Казака, М.-Э.Османова, М.Алибекова, Н.Батырмурзаева, А.Акаева и других позволяет выявить архетипы художественного мышления, свойственные данной этнокультуре, независимо от творческой индивидуальности автора. Архетипы обнаруживают себя в форме устойчивых базовых образов и мотивов, мифологем, стилистических фигур, несущих на себе яркий отпечаток национального своеобразия.

Посеянные еще в XIX веке зерна, идеи и идеалы просветительства, в частности выдающимся земляком М.-Э. Османовым, дали богатые всходы. Вокруг его ближайших соратников и идейных наследников - Н. Батырмурзаева, М. Алибекова, А.Акаева - объединяются А. Шемшединов, А.Карамурзаев, М.Казанбиев и другие. При этом следует подчеркнуть, что идейные последствия отмеченных выше социально-политических событий у молодого крыла просветительства, представленного именами З. Батырмурзаева, А. Шемшединова, А.-П. Салаватова, Б. Астемирова, С. С. Казбекова и других, связаны с опытом и успехами стачечной и забастовочной борьбы. В конечном итоге логика эволюции идеалов просветительства закономерным образом вела к слиянию с революционным движением народов России.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в вошедших в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданиях, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук:

1. Акавов Р.З. Кумыкская литература Нового времени в зеркале культурного развития (К вопросу о новом осмыслении опыта изучения). //Известия Дагестанского научного центра РАН, №32. Статья поступила 25.10.2006 г., принята в печать 30.10.2006 г. – Махачкала: 2008. – С.86-89 (0,23 п.л.).

2. Акавов Р.З. К социально-политической характеристике национально-патриотической интеллигенции народов Северного Кавказа 40-60-

х гг. XIX века (Князь Хасайбек Уцмиев в контексте кавказских событий). // Ученые записки Российского государственного социального университета. №7. М.: 2008. – С. 269-274 (0,36 п.л.).

3. Акавов Р.З. О значении Кавказско-горского эскадрона императорского конвоя в формировании национально-патриотической интеллигенции народов Северного Кавказа и Дагестана. // Ученые записки Российского государственного социального университета. №7. М.: 2008. – С. 278-282 (0,32 п.л.).

4. Акавов Р.З. К проблеме эсхатологического противостояния Добра и Зла в суфийско-экзистенциальной поэзии Абдурахмана из Какашурь (последний поэт Средневековья и первый поэт Нового времени). // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. №3. ПГЛУ. Пятигорск: 2009. – С. 207-211 (0,32 п.л.)

Монографии и другие издания:

1. Акавов Р.З. Памятники средневековой деловой переписки в Дагестане и на Северном Кавказе в историческом освещении. ДГПУ. ISBN 978 – 5 – 9972 – 0031 – 2 – Махачкала: 2006. 115 с. (7,5 п.л.).

2. Акавов Р.З. Поэзия Маная Алибекова и проблемы публицистики в кумыкской литературе начала XX в. УМО по направлениям педагогического образования Министерства образования и науки РФ. – Махачкала: 2008. 130 с. (8 п.л.).

3. Акавов Р.З. (соавтор – З.Н.Акавов). История кумыкской литературы Нового времени в культурно-историческом освещении. ДГПУ. ISBN 978 – 5 – 9972 – 0024 – 4 – Махачкала: 2009. 352 с. (20,2 п.л.).

4. Микаиль ибн Шамси Башту. Сказание о дочери Шана. (Подготовка текста, вступительная статья, комментарии к изданию мифопоэтической поэмы древнебулгарского поэта). ДГПУ. – Махачкала: 2003. 267 с. (10,6 п.л.).

5. Акавов Р.З. К проблеме власти в кумыкской литературе XIX – начала XX вв. / Культура и история тюркских народов. Тезисы докладов Международной тюркологической конференции. ДГПУ. Издательство Дагестанского государственного педагогического университета. ЛР №020034 от 25.12.1997 г. – Махачкала: 2000. – С. 188-189. (0,15 п.л.).

6. Акавов Р.З. Стихотворная публицистика в кумыкской гражданской поэзии начала XX века. // Коммуникации в современном мире. / Всероссийская научно-практическая конференция. – Воронеж: 2003. – С. 89-94. (0,32 п.л.).

7. Акавов Р.З. Современность звучания поэтической публицистики Маная Алибекова. // Сборник статей республиканской научно-практической конференции «СМИ Республики Дагестан в информацион-

ном пространстве Российской Федерации: проблемы и перспективы интеграции». – Махачкала: 2003. – С. 57-60.(0,33 л.).

8. Акавов Р.З. Национальная эпистолографическая традиция в культурно-историческом освещении и осмыслении. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. №1. Научный журнал. ISSN 1995 – 0667 – Махачкала: 2007. – С. 81-84. (0,23 п.л.).

9. Акавов Р.З. Кумыкская литература Нового времени в историко-софском культурно-историческом освещении (Аспект методологии). Известия ДГПУ. №1. Научный журнал. ISSN 1995 – 0667 – Махачкала: 2008. – С. 78-89.(0,8 п.л.).

Формат 60x84 1/16. Бумага офсет 1. Печать ризографная. Гарнитура Таймс.

Усл.п.л. 3,5 изд.л. 3,1 Заказ № 510-09. Тираж 100 экз.

Отпечатано в тип. ИП Тагиева Р.Х. г. Махачкала, ул. Гамидова, 2

“ФОРМАТ”

102